

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

К ОРУЖИЮ! К ОРУЖИЮ!

Men at Arms

НОВЫЙ
ПЕРЕВОД

Терри Пратчетт
К оружию! К оружию!
Серия «Плоский мир»
Серия «Городская Стража», книга 2
Серия «Терри Пратчетт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64271492

Т. Пратчетт. К оружию! К оружию!: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117496-5

Аннотация

Для Ночной Стражи настают нелёгкие времена. Капитан Ваймс женится и собирается в отставку. По Анк-Морпорку прокатывается серия убийств, совершённых невиданным доселе орудием. А лорд Витинари настаивает, что Стража должна идти в ногу со временем и принимать в свои ряды больше этнических меньшинств, так что среди новобранцев теперь гномы, тролли и даже... женщины.

Второй роман из серии «Городская стража» продолжает знаменитый цикл сэра Терри Пратчетта о Плоском мире!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Терри Пратчетт

К оружию! К оружию!

Terry Pratchett

Men at Arms

© Terry and Lyn Pratchett, 1993

© Сороченко М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Капрал Моркоу из Анк-Морпоркской Городской (Ночной) Стражи присел прямо в ночной рубашке возле стола, взял карандаш, послунывил его и принялся писать:

«Дражайшие Матушка и Папа!»

Ну вот, случился еще один прекрасный Поворот Событий достойный Книг: я наконец-то стал капралом! Это не только пять дополнительных долларов в месяц, но и новенькая куртка с двумя полосками! И новый медный значок! Это такая Огромная Ответственность! А все потому что мы набрали новых рекрутов, поскольку патриций (который, как я уже упоминал ранее, является правителем города) решил что Стража должна олицетворять собой этнический облик горожан...»

Моркоу на мгновение прервался, уставившись в маленькое пыльное оконце спальни, за которым скользили по реке лучи вечернего солнца. Затем снова склонился над бумагой:

«...что я понимаю не совсем До Конца. Наверное это как-то связано с Фабрикой Косметики гнома Громодуя Хватай-горика. Кроме того капитан Ваймс, о котором я часто писал вам, покидает Стражу чтобы жениться и стать Прекрасным Господином. Уверен мы все пожелаем ему Всего Наилучшего, поскольку он научил меня Всему Что Я Знаю, за исключением того что я узнал сам. Все вместе мы собираемся сделать ему Неожиданный Подарок, то есть Сюрприз. Я подумал что это могут быть одни из тех Часов, которые умеют работать без демонов внутри, и мы могли бы написать на обороте «Часы от Старых Друзей Стоявших с Тобой на Часах» или что-то в этом роде. Это называется «вкаломбур» или Игра Слов. Мы пока не знаем кто будет новым капитаном. Сержант Колон говорит что Уволится, если это будет он. А капрал Шноббс...»

Моркоу вновь уставился в окно. Наморщив большой честный лоб, он добросовестно попытался вспомнить хоть что-то положительное о капрале Шноббсе.

«...сказал что он сейчас Фунициклирует на своем месте, а я в Страже всего ничего. Так что сейчас нам остается только Обождать...»

Как многое другое в жизни, все началось со смерти. И по-

хорон весенним утром, когда по земле стелился и затекал в могилу такой густой туман, что гроб пришлось опускать в него, словно в облако.

Маленькая сероватая дворняжка, носительница стольких собачьих недугов, что ее постоянно окружало вонючее облачко, безучастно наблюдала с земляного холмика.

Многочисленные пожилые родственницы плакали. Но Эдвард д'Муэрто плакать не мог. И на то были три причины: во-первых, будучи старшим сыном покойного, теперь он стал тридцать седьмым доном Муэрто – и это вряд ли можно считать поводом для слез. Во-вторых, карман его оттягивал новенький хрустящий диплом Наемного Убийцы. Сами подумайте – если бы убийцы имели привычку оплакивать смерть, то их слезы не прекращались бы никогда. В-третьих, он был зол. Вернее сказать, пребывал в бешенстве.

Он злился на то, что пришлось занимать деньги на эти несчастные похороны. Злился на погоду, на простое кладбище без изысков, на непрекращающийся городской шум, который не утихал даже по такому вескому поводу, как этот. Он злился на всю эту историю, которая не должна была произойти.

Она просто не имела *права* происходить.

Эдвард посмотрел через реку на мрачную громаду дворца, и его гнев сфокусировался, как луч света в линзе.

Его определили в Гильдию Убийц, поскольку только там давали достойное образование тем гражданам, чье социаль-

ное положение намного превосходило их интеллект. Если бы его обучили Шутовскому Делу, то он наверняка бы изобрел сатиру и целыми днями отпускал опасные шуточки в адрес патриция. Если бы его научили быть Вором¹, то он прокрался бы во дворец и похитил у патриция что-нибудь ценное.

Однако случилось так... что он стал убийцей.

В тот же день он продал все, что еще оставалось от поместий Муэрто, и вернулся в Гильдию Убийц.

Он решил поступить в аспирантуру.

Окончил он ее с отличием, получив высшие оценки и став единственным, кому это удалось за всю историю Гильдии. Кураторы охарактеризовали его как человека, за которым нужен пригляд, поскольку присутствовало в нем нечто такое, что заставляло даже Наемных Убийц ощущать тревогу и держаться от него подальше.

На кладбище одинокий могильщик засыпал яму, ставшую последним пристанищем для д'Муэрто-старшего.

Некое подобие мыслей роилось в его голове. Примерно таких:

«Сейчас бы косточку! О нет, извини. Это не совсем подходящее место, прости. Хотя в твоей штуковине для ланчей имеются бутерброды с говядиной. Почему бы не угостить одним вон ту милую маленькую собачонку?»

¹ Впрочем, ни одному благородному господину даже в голову не придет стать Вором.

Мужчина оперся на лопату и оглянулся.

Пыльная дворняга не сводила с него внимательных глаз.

– Гав? – осведомилась она.

Эдварду д'Муэрто потребовалось пять месяцев, чтобы найти то, что он искал. Поиски осложнились тем, что он сам не понимал, что конкретно ищет, но знал, что ему станет ясно, как только он это найдет. Эдвард свято верил в Судьбу, как многие другие люди подобного сорта.

Библиотека его Гильдии была одной из самых больших в городе. А в некоторых узких областях знаний она была *самой* большой. Главным образом эти области имели отношение к прискорбной краткости человеческой жизни и различным средствам по ее дополнительному укорачиванию.

Эдвард проводил здесь довольно много времени, часто – на верхней ступеньке стремянки, часто – в клубах пыли.

Он прочел все известные работы, посвященные вооружениям. Он не знал, что именно ищет, но нашел искомое в заметке, оставленной на полях весьма унылого и недостоверного трактата о баллистике арбалетов. Он очень аккуратно переписал эту заметку.

Кроме того, Эдвард проводил много времени среди книг по истории. Гильдия Убийц гордилась тем, что состояла из людей благородного происхождения, а такие люди считают всю писаную историю чем-то вроде собственной учетной картотеки. В библиотеке Гильдии было очень много книг и

целая галерея портретов королей и королев², и со временем Эдвард д'Муэрте стал разбираться в их аристократических лицах лучше, чем в своем собственном. Не бывало практически дня, чтобы он не провел здесь обеденные часы.

Позже стали говорить, что именно на этом этапе жизни он попал под дурное влияние. Но тайна истории Эдварда д'Муэрте заключалась в том, что за исключением всех этих мертвых королей никто на него, в сущности, не влиял. Можно сказать, он попал под влияние самого себя.

Пожалуй, этот момент нужно пояснить особо. Отдельно взятые индивиды не являются полноценными представителями человеческой расы – разве что в примитивном, биологическом, смысле. Мы нуждаемся в постоянном броуновском движении общества, ибо оно и есть тот самый механизм, с помощью которого люди напоминают друг другу, что они есть... хм... *люди*. Так и он – Эдвард д'Муэрто – стал закручиваться по спирали внутрь себя, как это часто бывает в подобных случаях.

У него не было конкретного плана. Он просто отступил, как любой почувствовавший угрозу человек, на более защищенные позиции – то есть в прошлое. Но то, что случилось далее, произвело на Эдварда такой эффект, какой может испытать только изучающий рептилий студент, нашедший плезиозавра в пруду с золотыми рыбками.

² Зачастую с аккуратными табличками под ними с именами тех, кто именно их убил. Как-никак, это была портретная галерея Гильдии Убийц.

Однажды в жаркий послеполуденный час, после целых суток, проведенных в обществе славных героев ушедших эпох, он вышел, жмурясь от солнца, из библиотеки и нос к носу столкнулся с прошлым. Прошлое беззаботно шло мимо и кивало прохожим с самым дружелюбным видом.

Эдвард впал в необычайное возбуждение.

– Эй! Эй! – заорал он. – Ты кто т-такой?

– Капрал Моркоу, сэр, – ответило прошлое. – Ночная Стража. Господин д'Муэрто, если не ошибаюсь? Чем могу помочь?

– Что? Нет! Нет. Занимайтесь своими д-делами.

Прошлое кивнуло с улыбкой и пошло дальше – в будущее.

Моркоу оторвал взгляд от стены.

«Я потратил три доллара на иконограф. Это такая штука с демоном внутри, которая рисует картинки. Сейчас это Дико модно. Прилагаю картинку своей комнаты и друганов по Страже. Шнобби – это тот, который делает Юмеристический Жест, согнув руку в локте. Он может показаться грубым, но на самом деле у него Золотое Сердце и он очень добрый где-то в глубине души».

Моркоу вновь прервался. Он писал письма домой по меньшей мере раз в неделю – как и положено гному. Правда, Моркоу был двухметрового роста, но какое это имеет значение? Ведь вначале его воспитали как гнома, и уж потом – как человека. Литературная деятельность давалась ему нелегко,

но он не думал сдаваться.

«*Погода*, – написал он очень медленно и осторожно, – *по-прежнему Сильно Жаркая...*»

Эдвард не мог в это поверить. Он просмотрел свои записи. Затем просмотрел еще раз. Он начал задавать вопросы, и, поскольку это были невинные вопросы, люди стали ему отвечать. Наконец он решил провести отпуск в Овцепикских горах, где осторожные расспросы привели его к гномьим шахтам у Медной горы, а оттуда – на ничем не примечательную поляну в буковом лесу, где спустя несколько минут терпеливого рытья он обнаружил следы древесного угля.

Он провел на поляне весь день, пока не зашло солнце. А когда он закончил, осторожно прикрыв перегноем следы своих раскопок, от его сомнений не осталось и следа.

В Анк-Морпорке вновь появился король.

И это было *правильно*. Сама Судьба позволила Эдварду осознать это в *тот* же миг, когда у него родился План. И *правильно*, что это сделала Судьба, ибо город будет спасен от позорного настоящего своим *славным* прошлым. У него были *средства*, а теперь у него появилась *цель...* ну и так далее и тому подобное...

Эдварда часто посещали подобные мысли.

Он был способен мыслить *курсивом*, а за такими людьми следует присматривать особенно тщательно.

И желательно с безопасного расстояния.

«Я Интригован вашим письмом в котором вы сказали, что кто-то приходил и спрашивал обо мне и это Поразительно! Я в Анк-Морпорке Всего-Ничего но уже Знаменитоздь!

Я был очень рад узнать об открытии Ствола номер 7. Я хоть и очень счастлив здесь но не против Сказать Вам что очень скучаю по Славным Денечкам, которые провел Дома. Иногда в свой Выходной я иду в Подвал и бью себя топорищем по голове, но это Совсем Другое.

Надеюсь это письмо застанет вас в Добром Здравии.

Искренне Ваш любящий приемный сын

Моркоу».

Он сложил письмо вместе с иконографическими картинками, запечатал его каплей свечного воска, приложив к нему палец, и сунул в карман штанов. Гномья почта славилась надежностью. Все больше и больше гномов из Овцепикских гор приходили работать в город, и, поскольку гномы отличаются сознательностью, многие из них посылали домой деньги, а это означало, что почтовые отправления приходилось таскать с охраной. Следует отметить: гномы весьма неохотно расстаются с золотом. Если какому-нибудь разбойнику с большой дороги вздумается предложить гномам выбор «кошелек или жизнь», то ему следует прихватить с собой складной стульчик, бутерброды и книжку, чтобы было чем скоро-

тать время до окончания дебатов.

Разобравшись с письмом, Моркоу умылся, натянул на себя кожаную рубаху, штаны и кольчугу, застегнул нагрудник и, взяв шлем под мышку, бодро вышел из дома, готовый встретить все, что принесет ему будущее.

А теперь другая комната, совсем в другом месте, – убогая, с осыпающимися оштукатуренными стенами и потолком, провисшим, подобно кровати толстяка. Но при этом переполненная мебелью.

Это была старая добротная мебель, но в комнате она смотрелась чужеродно. Такая мебель приличествует более высоким гулким залам, и здесь ей явно было тесновато. Высокие стулья из темного дуба. Длинные буфеты. Даже несколько комплектов доспехов. Для дюжины человек, собравшихся за огромным столом, едва хватало места. Собственно, места едва хватало даже для самого стола.

Тикали часы, скрытые тенью.

Тяжелые бархатные шторы были плотно задернуты, хотя небеса еще не покинул дневной свет. В комнате было душно – как от дневной жары, так и от свечей, горевших в «волшебном фонаре».

Единственным источником света здесь выступал экран, на котором в данный момент застыло очень подробное изображение профиля капрала Моркоу Железобетонссона.

Немногочисленная, но довольно избранная публика смот-

рела на экран с предусмотрительно бесстрастными выражениями на лицах – как люди, которые уже начали догадываться о том, что в колоде хозяина не хватает карт, но еще мирятся с этим, поскольку они только что поели и было бы невежливо уходить слишком рано.

– Ну и что с того? – произнес один из гостей. – Кажется, я встречал его в городе. Он простой стражник, Эдвард.

– Вот именно! И это очень важно. Скромный незаметный человек – как и должно быть по классической с-схеме. – Эдвард д’Муэрто подал сигнал. Раздался щелчок, и в щель засунули другое стекло. – Эта картина написана н-не с натуры. Король Папарагор. Снято со старинной г-гравюры. А это... – *Щелк!* – Король Велтрик III. С другого своего п-портрета. А это – королева Альгвинна IV. Видите линию ее подбородка? А эта... – *Щелк!* – семип-пенсовик в-времен царствования Вебблторпа Бесчувственного. Обратите внимание еще раз на форму подбородка и общее строение черепа, а это... – *Щелк!* – Это... п-перевернутая фотография вазы с цветами. Дельфиниумы, кажется. Но при чем тут они?

– Э-э, простите, господин Эдвард. У меня оставалась пара лишних стеклянных пластин, а демоны не очень устали, вот я и подумал, что...

– Следующий слайд, пожалуйста. А потом можешь идти...

– Да, господин Эдвард.

– ...к д-дежурному палачу.

– Да, господин Эдвард.

Щелк!

– А это довольно неплохое – м-молодец, Бленкин – изображение бюста королевы Коанны.

– Спасибо, господин Эдвард.

– Тем не менее если бы мы увидели ее лицо, то и в этом случае убедились бы в сходстве. Полагаю, хватит. Можешь идти, Б-бленкин.

– Да, господин Эдвард.

– Думаю, придется тебе слегка укоротить уши.

– Да, господин Эдвард.

Слуга почтительно прикрыл за собою дверь и, печально качая головой, спустился в кухню. Эти доны Муэрто уже много лет не могли позволить себе содержать семейного палача. Но раз уж мальчик отдал приказ, слуге придется самостоятельно позаботиться о его выполнении – с помощью кухонного ножа.

Гости ждали, что хозяин дома скажет еще, но он не торопился нарушить молчание. Такое часто бывало с Эдвардом. Будучи в состоянии возбуждения, он страдал не столько от нарушений речи, сколько от неуместных пауз – словно мозг временно закрывал его рот на замок.

Наконец один из посетителей не выдержал:

– Ну и? К чему ты клонишь?

– Вы все увидели сходство. Разве оно не очевидно?

– Ой, да ладно...

Эдвард д'Муэрто придвинул к себе кожаную сумку и при-

нялся развязывать ремни.

– М-мальчика усыновили гномы Плоского мира еще в младенческом возрасте. Они обнаружили его в лесах Овцепикских гор. Среди г-горящих повозок, трупов и тому подобногo. Вероятно, случилось нападение р-разбойников. Перебирая обломки, гномы нашли меч. Который сейчас у него. Это очень с-старый меч. И всегда наточенный.

– Ну и что? Мир полон старых мечей. И точильных камней.

– Этот был тщательно спрятан в одной из разбитых повозок. И это довольно странно. Меч должен быть всегда под рукой, не так ли? Готовым к применению, верно? Тем более в р-разбойничьем лесу... Итак, мальчик вырастает и вдруг... сама Судьба!.. распоряжается так, что он со своим мечом попадает в Анк-Морпорк, где п-поступает на службу в Ночную Стражу. Я не могу поверить в такое с-совпадение!

Эдвард резко вскинул руку, после чего вынул из сумки сверток.

– Я провел т-тщательное расследование и смог отыскать место, где произошло нападение. Скрупулезно обследовав почву, я нашел: старые г-гвозди от повозки, несколько медных монет, немного древесного угля и... это!

Гости склонились над свертком.

– Похоже на кольцо...

– Да! Ко... ко... конечно, поверхность немного п-потускнела, иначе кто-нибудь обязательно бы его з-заметил. Веро-

ятно, оно было спрятано в повозке. Я н-немного его почи-стил. Просто прочтите надпись. А *вот* иллюстрированная опи-сь королевских драгоценностей Анка, сделанная в 907 году, в царствование короля Тиррилла. П-прошу вас, обрати-те в-внимание на маленькое обручальное кольцо в левом н-нижнем углу страницы. Художник был так л-любезен, что срисовал даже надпись.

Гости разглядывали надпись несколько минут кряду. Ведь от природы они были очень подозрительны, поскольку явля-лись потомками людей, для которых подозрительность и па-ранойя стали главными инструментами выживания.

Короче говоря, они все были аристократами. Каждый из них не только знал имена своих прапрапрадедушек, но и от каких досадных болезней они скончались.

Полчаса назад они откушали не очень вкусный ужин, ко-торый, однако, включал в себя несколько бутылочек старин-ных, заслуживающих внимания вин. Они пришли сюда толь-ко потому, что лично знали отца Эдварда, поскольку род д'Муэрто являлся древней благородной фамилией, пусть и временно оказавшейся в стесненных обстоятельствах.

– Как видите, – с торжеством провозгласил Эдвард, – до-казательства неопровержимы. У нас есть к-король!

Гости старались не смотреть друг другу в глаза.

– Я д-думал, вы обрадуетесь, – обескураженно сказал Эд-вард.

Наконец лорд Ржав выразил общее молчаливое мнение.

В этих небесно-голубых глазах не было места для жалости, не являющейся необходимым качеством для выживания. Но иногда можно рискнуть и подпустить немного доброты.

– Эдвард, – произнес он, – последний король Анк-Морпорка умер несколько веков назад.

– Был к-казнен изменниками!

– Даже если бы нашелся его потомок, тебе не кажется, что королевская кровь в его венах оказалась бы... довольно жидковатой?

– Королевская к-кровь *не бывает* ж-жидковатой!

«Ага, – подумал лорд Ржав, – *вот* оно что! Кажется, юный Эдвард искренне думает, что прикосновение короля способно вылечить даже золотуху, как если бы королевская кровь была подобна серной мази. Юный Эдвард считает, что нет такого моря крови, которое нельзя было бы перейти вброд ради того, чтобы посадить на трон законного короля; и нет такого подлого поступка, который невозможно было бы совершить во имя короны. Экий он романтик!»

Себя лорд Ржав романтиком не считал. Ржавы неплохо устроились в Анк-Морпорке в постмонархическую эпоху, немилосердно покупая, продавая, сдавая в аренду и устанавливая деловые контакты – словом, занимаясь обычным для аристократов делом, суть которого можно передать одной фразой: «выживай и держи нос по ветру».

– Что ж, допустим, – согласился он мягким тоном человека, убеждающего неразумного отойти от обрыва, – но да-

вайте спросим себя: а так ли *необходим* Анк-Морпорку в настоящее время король?

Эдвард посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Необходим? *Необходим?! По*ка наш прекрасный город томится под пятой т-тирана...

– О, ты имеешь в виду Витинари?

– Разве вы не видите, что он творит с нашим городом?

– Лорд Витинари весьма неприятный зазнавшийся выскочка, – вмешалась леди Силачия, – но я бы не сказала, что он чрезмерно *терроризирует* жителей. Отнюдь.

– Надо отдать ему должное, – подтвердил виконт Скаток, – город худо-бедно функционирует. Простолюдины и прочий сброд постоянно при деле.

– На улицах куда безопаснее, чем бывало при лорде Капкансе Психопатическом, – согласилась леди Силачия.

– Б-безопаснее? Хочу вам н-напомнить, что Витинари учредил Гильдию Воров! – выкрикнул Эдвард.

– Безусловно, это весьма неблагоприятный поступок. Но, с другой стороны, плати ежегодный скромный взнос – и гуляй себе спокойно...

– Он всегда говорит, – напомнил лорд Ржав, – что если уж вы собрались заниматься преступностью, то пусть она будет хотя бы организованной.

– Я считаю, – сказал виконт Скаток, – что Гильдии терпят его потому, что любой другой может оказаться хуже. У нас уже были, э-э... непростые правители. Кто-нибудь помнит

лорда Ветруна Маниакального?

– А лорда Гармони Ненормального? – вставил лорд Монплезир.

– И лорда Шпателя Смеющегося, – напомнила леди Силачия, – человека с *убийственно* острым чувством юмора.

– Впрочем, замечу, – произнес лорд Ржав, – что и в Витинари есть что-то не совсем... э-э...

– Понимаю вас, – подхватил виконт Скаток. – Мне тоже не нравится, что он угадывает мою мысль еще до того, как я успеваю ее подумать.

– Всем известно, что убийцы за *его* голову требуют не меньше чем миллион долларов, – сказала леди Силачия. – Вот как дорого стоит его смерть!

– Не могу отделаться от ощущения, – заметил лорд Ржав, – что заставить его *остаться* мертвым будет стоить гораздо дороже.

– О боги! Куда делась ваша гордость? И ваша честь?

Все присутствующие заметно вздрогнули, когда последний из рода д'Муэрто вскочил с места.

– Послушайте, что вы несете! Будьте любезны, в-взгляните на себя! Найдется среди вас тот, чей род не был бы унижен со времен к-королей? Вы помните, какими были ваши предки?

Эдвард быстро оббежал вокруг стола, заставив гостей, не спускавших с него глаз, обернуться вслед за ним.

– Вот вы, лорд Ржав! – он сердито ткнул пальцем. – Ваш

п-предок стал бароном после того, как в одиночку заколол тридцать семь клатчцев всего одной б-булавкой, не так ли?

– Да, но...

– Или вы, лорд Монплезир! Первый герцог вашего рода, возглавив шесть сотен верных ему солдат, потерпел славное, эпическое п-поражение в Щеботанской битве! Разве это уже н-ничего не значит? А вы, лорд Вентурия, и вы, сэр Джордж... сидите в Анке в своих старых домах на старых деньгах, держась за старые титулы, пока Гильдии – *Гильдии!* – то есть лавочники, ремесленники и п-прочий сброд... Гильдии, повторяю я, имеют право голоса в управлении г-городом!

В два прыжка он достиг книжной полки и швырнул на стол толстенный, обтянутый кожей том, опрокинув при этом бокал лорда Ржава.

– «Книга Пэров Твурпа»! – воскликнул он. – В ней каждому из нас посвящена отдельная страница! Она вся *п-принадлежит* нам. Но этот человек вас всех зачаровал! Уверяю, он из плоти и крови, как любой смертный. И никто не смеет убить его, д-думая, как бы не стало от этого хуже! О б-боги!

Гости помрачнели. Все это, конечно, правда, но... смотря как ставить вопрос. К тому же выслушивать подобное от пафосного молодого человека, дико вращавшего глазами, было... как-то неуютно.

– Ну да, ну да. Старые добрые времена и все такое, – заговорил виконт Скаток. – Дамы в остроконечных шляпах. Бра-

вые парни в доспехах, мутузящие друг друга почем зря. И так далее и тому подобное. Но, знаете, мы должны двигаться в ногу со временем, и...

– Это был 3-золотой век! – перебил Эдвард.

«Боже, – подумал лорд Ржав, – он действительно в это верит».

– Видишь ли, дорогой мальчик, – произнесла леди Силачия, – случайное сходство и одно найденное украшение – этого мало, чтобы делать выводы, разве нет?

– Моя нянька рассказывала мне, – вспомнил виконт Скаток, – что *истинный* король может вытащить меч из камня.

– Хм, да... А еще излечить перхоть... – заметил лорд Ржав. – Это всего лишь легенда. *Вымысел*. Сказать по правде, данная история меня всегда немного озадачивала. Что сложного в том, чтобы вытащить меч из камня? Ведь самая тяжелая работа уже сделана. Гораздо труднее найти человека, который смог бы воткнуть меч в камень, не правда ли?

Все облегченно рассмеялись. Этот смех особенно остро врезался в память Эдварду, поскольку после него все серьезные обсуждения закончились. Хотя, строго говоря, смеялись не над *ним*, но лорд д'Муэрто был из тех, кто всегда принимает смех на свой счет.

Десять минут спустя он остался в одиночестве.

Какие жалкие отговорки: «Двигаться в ногу со временем...»

Он ожидал от них большего. Гораздо большего. Он даже

смел надеяться, что они вдохновятся его речью. Он уже видел себя во главе огромной армии, но...

Вошел Бленкин, почтительно шаркая ногами.

– Я всех проводил, господин Эдвард, – сказал он.

– Благодарю, Бленкин. Можешь убрать со стола.

– Да, господин Эдвард.

– Что случилось с нашей честью, Бленкин?

– Не имею представления, сэр. Я не брал.

– Они не захотели меня слушать.

– Да, сэр.

– Они не захотели меня с-слушать.

Эдвард сел у догорающего камина, положив на колени зачитанный томик Бедрогрызских «Престолонаследий Анк-Морпорка». Мертвые короли и королевы смотрели на него с укором.

Собственно, на этом все могло закончиться. Оно и завершилось где-то там – в миллионах параллельных Вселенных: Эдвард д'Муэрто тихо-мирно постарел, и его одержимость превратилась в своего рода книжное безумие – с коврами, домашними туфлями и перчатками без пальцев. Он стал лучшим в мире экспертом по особам королевских кровей, о чем никто, конечно, не догадывался, поскольку он редко покидал свои комнаты. Капрал Моркоу дорос до сержанта Моркоу и, когда пробил час, нелепо погиб в возрасте семидесяти лет в результате несчастного случая, как-то связанного с муравьем.

В миллионах вселенных младшие констебли Дуббинс и Детрит не проваливались в яму. В миллионах вселенных Ваймс не увидел улику у водосточной трубы. (В одной из страных, но теоретически возможных вселенных штаб-квартира Ночной Стражи была перекрашена в пастельные тона причудливым вихрем, который заодно починил дверную защелку и выполнил в здании несколько других, не менее загадочных работ.) В миллионах вселенных Стража потерпела крах.

В миллионах вселенных эта книга оказалась очень короткой.

Эдвард задремал с томиком на коленях, и ему приснился сон о славной битве. Прилагательное «славный» в его личном словаре занимало довольно важное место. Не менее важное, чем существительное «честь».

Поскольку изменники и люди без чести не желают видеть правды, тогда он – Эдвард д’Муэрто – станет перстом Судьбы!

Но главная проблема Судьбы, конечно, в том, что она часто сует свои персты куда попало...

Капитан Сэм Ваймс из Анк-Морпоркской Городской (Ночной) Стражи сидел в продуваемой сквозняками приемной патриция. По такому случаю он надел свой лучший плащ, а также начищенный до блеска нагрудник и шлем, который теперь лежал у него на коленях.

Он тупо смотрел на стену, погруженный в мысли.

Он должен быть счастлив, говорил он себе. Наверное, так и было. В некотором смысле. Определенно, счастлив как никогда.

Он женится через несколько дней.

Он перестанет быть стражником.

Он начнет вести праздную жизнь господина.

Капитан Ваймс снял с себя медный значок и рассеянно протер его о край плаща. Затем поднял так, чтобы от покрытой патиной поверхности отразился свет. ГСАМ № 177. Иногда он задавался вопросом – сколько стражников до него успели поносить этот значок?

Что ж, теперь у него появится новый хозяин.

Это Анк-Морпорк, Град Тысячи Сюрпризов (как гласит путеводитель Гильдии Купцов и Торговцев). Что еще можно добавить? Обширное поселение с миллионом жителей, величайший из городов Плоского мира, раскинувшийся по обеим берегам Анка – реки такой мутной, что кажется, будто она течет вверх дном.

Приезжий может спросить: «Как такой огромный город может существовать? Благодаря чему он держится? Если река наполнена жижей, которую можно только жевать, откуда берется питьевая вода? Что же, собственно, лежит в основе городской экономики? И как же так получается, что вопреки всему он таки *функционирует*?»

Впрочем, на самом деле приезжие редко интересуются подобным. Обычно они спрашивают нечто вроде: «Вы не подскажете, как пройти... кхм... к молоденьким дамочкам и все такое... ну, вы понимаете...»

Но если бы гости города хотя бы изредка думали головой, а не кое-чем другим, то вышеприведенные вопросы наверняка бы у них возникли.

Патриций Анк-Морпорка откинулся на спинку своего аскетичного кресла и внезапно ярко улыбнулся. Так улыбается очень занятый человек в конце наполненного посетителями дня, если вдруг обнаруживает в своем расписании напоминание: «19.00–19.05, быть Жизнерадостным, Непринужденным и Общительным».

– Что ж, меня, безусловно, огорчило твое письмо, капитан...

– Да, сэр, – ответил Ваймс, по-прежнему деревянный, как мебельный склад.

– *Пожалуйста*, присаживайся, капитан.

– Да, сэр, – ответил Ваймс, продолжая стоять. Это был вопрос гордости.

– Но, с другой стороны, я тебя, конечно, понимаю. Полагаю, поместья Овнецов весьма обширны. Уверен, госпожа Овнец высоко оценит твою сильную правую руку.

– Сэр?

Находясь в присутствии правителя города, капитан Ваймс

всегда сосредотачивал взгляд на точке футом выше и шестью дюймами левее головы лорда Витинари.

– Ну и конечно, ты станешь очень богатым человеком, капитан.

– Так точно, сэр.

– Надеюсь, ты уже думал об этом. Вместе с богатством появятся новые обязанности.

– Так точно, сэр.

До патриция дошло наконец, что в диалоге участвует он один. Он подвигал бумаги на столе.

– Ну и конечно, мне придется назначить нового человека на должность старшего офицера Ночной Стражи, – произнес патриций. – Есть предложения, капитан?

Ваймс разом спустился с облака, в котором витал его разум. Вопрос касался *работы*.

– Главное, чтобы не Фреда Колона... Он – прирожденный сержант...

Сержант Колон из Анк-Морпоркской Городской (Ночной) Стражи оглядел незамутненные лица новобранцев.

И вздохнул. Ему вспомнился его первый день на службе. И старый сержант Вымблер. До чего бешеный был человек! Язык как кнут! Если бы старик дожил до нынешних дней...

Как это называется? Ах, да... «Антидискриминационная процедура приема на работу» или типа того. Лига защиты прав кремниевых существ надавила на патриция и вот тебе

пожалуйста...

– Попробуй еще раз, младший констебль Детрит, – сказал он. – Фокус в том, чтобы суметь остановить руку чуть выше уха. Просто встань с пола и попробуй отдать честь еще разок. А теперь, хм... младший констебль Дуббинс?

– Здесь!

– Где здесь?

– Прямо перед вами, сержант!

Колон посмотрел вниз и отступил на шаг. Выпуклый изгиб его более чем выдающегося живота сдвинулся назад, открыв смышленное и предупредительно запрокинутое лицо младшего констебля Дуббинса с одним стеклянным глазом.

– О, действительно.

– Я выше, чем кажусь.

«О боги, – устало подумал сержант Колон. – Если сложить их и разделить на два, то получатся два нормальных человека. Правда, нормальные люди не пойдут служить в Стражу. Троль и гном. А ведь это еще не самое плохое...»

Ваймс побарабанил пальцами по столу.

– Только не Колон, – повторил он. – Он уже не молод. Большую часть времени проводит в штаб-квартире, занимаясь бумажной работой. Кроме того, у него полон рот...

– Судя по комплекции сержанта, у него всегда полон рот, – заметил патриций.

– Полон рот забот с новобранцами, я имею в виду, – мно-

гозначительно сказал Ваймс. – Вы же помните, сэр?

«...о том, как вы их мне навязали», – добавил он про себя.

Разумеется, их бы ни за что не приняли в Дневную Стражу. Даже подонки из Дворцовой Стражи прогнали бы их взащей. М-да уж... Их запихнули в Ночную Стражу (над которой и так потешается весь город) только потому, что ночью они никому не станут мозолить глаза. По крайней мере, так называемым «уважаемым людям».

Ваймс согласился на это только потому, что знал: скоро новобранцы станут не его проблемой.

Не то чтобы он не был толерантен к человекообразным существам, но Стража – это все-таки работа для *настоящих* мужчин.

– А как насчет капрала Шноббса? – осведомился патриций.

– Шнобби?

Оба мысленно представили себе капрала Шноббса.

– Пожалуй, нет.

– Нет.

– Тогда, конечно же... – патриций улыбнулся, помедлив с ответом, – капрал Моркоу. Прекрасный молодой человек. Как я понимаю, он уже прославил свое доброе имя.

– Это... да, – произнес Ваймс.

– Возможно, пришло время продвинуть его по службе? Я с удовольствием выслушаю твое мнение.

Ваймс мысленно представил себе капрала Моркоу...

– Вот это Пупсторонние ворота, – сказал капрал Моркоу. – Ворота к целому городу. Именно их мы охраняем.

– От кого? – поинтересовалась младший констебль Ангва, последняя из новобранцев.

– Ну, знаешь... От варварских орд, враждебных племен, разбойничьих шаек... и всякого такого.

– Что? Только мы *одни*? – изумилась Ангва.

– Одни? Ну конечно нет, – рассмеялся Моркоу. – Это было бы глупо, верно? Просто если заметишь что-нибудь из перечисленного, звони как можно громче в колокольчик.

– И что в этом случае произойдет?

– Сержант Колон, Шнобби и все остальные примчатся сюда со всех ног.

Младший констебль Ангва окинула взглядом туманный горизонт.

И улыбнулась.

Моркоу густо покраснел.

Констебль Ангва первой научилась отдавать честь. Хм... в служебном смысле слова, разумеется. Правда, с обмундированием возникла большая проблема, вернее две большие проблемы, которые вряд ли решатся, пока кто-нибудь не возьмет, хм... ну, скажем прямо – *нагрудник*, и не отнесет его старому оружейнику Ремитту, чтобы он выбил две выпуклости – *здесь* и *здесь*. Кроме того, ни один шлем в мире не в состоянии скрыть всю массу пепельно-светлых волос.

Впрочем, подумалось Моркоу, констеблю Ангве ничего из этого особо и не нужно. Мужчины и так будут выстраиваться в очередь для того, чтобы она их арестовала.

– Что теперь будем делать? – спросила она.

– Пожалуй, проследуем в штаб-квартиру, – ответил Моркоу. – Сержант Колон зачитает ежевечерний доклад.

Она успела перенять даже это «следование», то есть особую походку, которой в совершенстве владеют патрульные офицеры во всех уголках мультивселенной – осторожное поднятие стопы, плавное передвижение ноги, и так шаг за шагом, улица за улицей. Такой шаг можно поддерживать часами. Конечно, младший констебль Детрит не сразу освоит эту непростую науку – пока ему нужно хотя бы научиться не вырубать себя всякий раз, когда он отдает честь.

– Сержант Колон? – спросила Агнва. – Это который толстый, да?

– Совершенно верно.

– А зачем ему дрессированная обезьяна?

– Хм... – удивился Моркоу. – Наверное, ты имеешь в виду капрала Шноббса?

– Так он человек? У него лицо как головоломка «соедини по точкам и раскрась».

– Это да. У бедняги богатейшая коллекция прыщей. Что он с ними только не делает! Мой тебе совет, если он стоит перед зеркалом, лучше обходи его стороной.

На улицах было немногочисленно. Стояла жуткая жара – да-

же по меркам Анк-Морпоркского лета. Каждая поверхность дышала теплом. Река угрюмо ползла по дну своего русла, как студент по улице в одиннадцать часов утра. Люди, не имевшие неотложных дел, прятались в подвалах и выходили из домов только по вечерам.

Моркоу, слегка покрытый честным трудовым потом, шествовал по раскаленным улицам с самым хозяйским видом, время от времени здороваясь с прохожими. Здесь все знали Моркоу. И немудрено – ведь ростом он был около двух метров и волосы имел пламенно-рыжие. Кроме того, он всегда ходил так, будто город принадлежит только ему.

– А кто был тот человек с гранитным лицом, которого я видела в штаб-квартире? – спросила Ангва, пока они следовали по Брод-авеню.

– Это тролль Детрит, – ответил Моркоу. – Раньше он был слегка преступником, а теперь ухаживает за Рубиной, и она настояла на том, чтобы он...

– Нет, я про *настоящего* человека, – перебила Ангва, осознав, как и многие другие до нее, что понимание метафор Моркоу дается нелегко. – С таким лицом, будто он... чем-то недоволен.

– А, капитан Ваймс! Никогда не видел его другим. Вообще-то к концу недели он выйдет на пенсию и женится.

– Выглядит он не очень счастливым, – заметила Ангва.

– Сложно сказать.

– Я думаю, ему не нравятся новобранцы.

Одной из черт, присущих констеблю Моркоу, являлась полнейшая неспособность лгать.

– Ну, он не очень любит троллей, – признался он. – Мы не могли вытянуть из него ни слова после того, как он узнал, что нам придется принять на службу тролля. А после тролля нам пришлось взять гнома, чтобы остальные гномы не возмутились. Вообще-то я тоже гном, но местные почему-то не верят.

– Да ладно! – удивилась Ангва, посмотрев на него снизу вверх.

– Мать меня усыновила.

– Ясно. Слушай... но ведь я-то не тролль и не гном... – сладким голосом заметила Ангва.

– Да, но ведь ты же ба...

Ангва резко остановилась.

– Так вот значит как! Хорошенькое дельце! На дворе век Летучей Мыши, между прочим! О боги, неужели он действительно такой?

– Ну, он немного старомоден в своих при-вычках.

– Ископаемое чудовище!

– Патриций сказал, что у нас должны быть представлены все меньшинства, – попытался оправдать капитана Моркоу.

– Меньшинства?!

– Прости. В любом случае он пробудет с нами всего несколько дней и...

Вдруг на другой стороне улицы раздался треск. Обернув-

шись, они успели заметить, как из таверны выскочил какой-то человек и опрометью бросился наутек. Вслед за ним, отстав всего на несколько шагов, помчался толстяк в фартуке.

– Держите его! Вор без лицензии!

– Эх, – вздохнул Моркоу.

Он перешел улицу, Ангва последовала за ним. Быстро выдохшийся толстяк остановился, затем поковылял обратно.

– Доброе утро, господин Фланнель, – поздоровался Моркоу. – Какие-то проблемы?

– Он украл у меня семь долларов и не предъявил лицензию Вора! – забушевал господин Фланнель. – Вы собираетесь с этим что-то делать или нет? За что я плачу налоги?!

– С минуты на минуту мы бросимся в погоню, – успокоил его Моркоу и достал блокнот. – Значит, семь долларов, говорите...

– Вообще-то четырнадцать.

Господин Фланнель оглядел Ангву с головы до ног. Мужчины редко упускали такую возможность.

– А почему на ней шлем? – спросил он.

– Она наш новый сотрудник, господин Фланнель.

Ангва улыбнулась господину Фланнелю, и тот отступил на шаг.

– Но ведь она... э-э...

– Мы должны двигаться в ногу со временем, господин Фланнель, – перебил Моркоу, убирая блокнот.

Господин Фланнель вспомнил о своих неприятностях.

– Но в *настоящее* время я лишился восемнадцати долларов, которые вряд ли теперь увижу, – резко сказал он.

– О, не стоит так отчаиваться, господин Фланнель, верьте в хорошее, – подбодрил его Моркоу. – Вперед, констебль Ангва. Давайте проследуем по следам преступника.

И они последовали по улице дальше, на глазах у изумленного Фланнеля.

– Не забудьте про мои двадцать пять долларов! – крикнул он.

– А ты не собираешься за ним бежать? – осведомилась Ангва, стараясь не отставать от широко шагавшего капрала.

– Не вижу смысла, – ответил Моркоу, сворачивая в переулок настолько узкий, что его почти невозможно было разглядеть с улицы. Но бравый капрал бесстрашно шагал в глубокой тени между двумя влажными, поросшими мхом стенами.

– Интересно, правда? – продолжил Моркоу. – Готов поспорить, немногие знают, что с Брод-авеню можно попасть на Зефирную улицу. Спроси у кого угодно, и тебе ответят, что нельзя пройти через Рубашечный переулок, потому что он заканчивается тупичком. Но на самом-то деле можно! Надо просто подняться вверх по улице Мормской, протиснуться между вот этими прутьями в Урчащую аллею – хорошая, кстати, решетка, из доброго железа – и вот мы уже в Некогда-переулке...

Дошагав до конца переулка, он остановился и стал прислушиваться.

– Чего мы ждем? – азартно прошептала Ангва.

Послышался топот бегущих ног. Моркоу прислонился к стене и высунул руку на Зефирную улицу. Раздался глухой удар. Рука Моркоу не сдвинулась ни на дюйм. Наверное, наткнуться на нее было все равно что врезаться в стальную балку.

Они вместе посмотрели на лежавшую без сознания фигуру. По булыжной мостовой раскатывались серебряные доллары.

– Ох, беда, беда, беда! – пробормотал Моркоу. – Опять бедолага Здесь-и-Сейчас. А ведь он *обещал* мне, что постарается завязать. Ну что ж...

Он схватил бездыханное тело за ногу, после чего спросил:

– Сколько всего денег?

– Кажется, три доллара, – ответила Ангва.

– Молодец. Хорошо считаешь.

– Да, но лавочник сказал...

– Идем. Пора возвращаться в штаб-квартиру. Идем, Здесь-и-Сейчас. Сегодня твой *счастливый* день.

– С чего это счастливый? – не поняла Ангва. – Мы же его только что *поймали*!

– Да, но поймали мы, а не Гильдия Воров. Они бы точно не стали с ним церемониться.

Голова Здесь-и-Сейчас запрыгала по булыжникам.

– Стащил три доллара и побежал напрямик домой, – вздохнул Моркоу. – В этом весь Здесь-и-Сейчас. Худший вор в мире.

– Но ты сказал, что Гильдия Воров...

– Со временем разберешься, как тут все работает, – ответил Моркоу. Голова Здесь-и-Сейчас стукнулась о бордюр. – В конце концов, – продолжил Моркоу, – и вправду работает. Вот что самое удивительное! Оно работает, хотя по идее – не должно.

Пока Здесь-и-Сейчас получал легкие контузии на пути к безопасной тюремной камере Стражи, в другом месте убивали клоуна.

Он вышагивал по переулку беззаботной иноходью человека, уверенного, что в этом году он полностью расплатился с Гильдией Воров, когда перед ним неожиданно предстала фигура в капюшоне.

– Бино?

– О, привет... ты же Эдвард, верно?

Фигура замерла.

– Я как раз возвращаюсь в Гильдию, – сказал Бино.

Фигура кивнула.

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросил Бино.

– Мне очень ж-жаль, – произнесла фигура, – но это ради блага города. Ничего личного.

Фигура в капюшоне скользнула за спину клоуна. Бино

ощутил хруст, и его внутренняя вселенная отключилась.

Затем он сел.

– Эй, – сказал он. – Мне же боль...

Но больно уже не было.

Эдвард д'Муэрто смотрел на него сверху вниз с выражением ужаса на лице.

– О... извини, я не хотел бить так сильно! Просто н-необходимо было убрать тебя с дороги.

– А зачем вообще меня нужно было бить?

Бино вдруг понял, что Эдвард смотрит мимо него, и уж точно разговаривает не с ним.

Он поглядел на землю с тем странным ощущением, которое испытывают только недавно умершие – когда с ужасом видишь свое тело и не понимаешь: почему я рядом с ним, а не внутри?

– ТУК-ТУК!

Бино поднял голову.

– Кто там?

– СМЕРТЬ.

– Смерть – косою верть.

В воздухе повеяло холодом. Бино ждал. Эдвард лихорадочно бил его по щекам... Вернее, по тому, что недавно было *его* щеками.

– ХМ, КАК-ТО МУДРЁНО... СЛУШАЙ, МОЖЕТ, НАЧ-
НЕМ ДИАЛОГ ЗАНОВО? Я НЕ ОЧЕНЬ РАЗБИРАЮСЬ В
КАЛАМБУРАХ.

– Жаль, – ответил Бино.

– Мне так ж-жаль! – простонал Эдвард. – Я хотел как лучше!

Бино смотрел, как убийца тащит его... *то* тело прочь.

– Он сказал, что ничего личного, – произнес он. – Рад, что именно так. Было бы обидно, если бы меня убили из-за чего-то *личного*.

– ПРОСТО МНЕ ПОСОВЕТОВАЛИ ПРОЯВЛЯТЬ В РАБОТЕ ЧУТЬ БОЛЬШЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

– Но *зачем* он это сделал? Я думал, мы прекрасно ладим. Знаешь как сложно на моей работе заводить друзей? На твоей, наверное, тоже, да?

– Я СТАРАЮСЬ РАЗБИВАТЬ ЛЮДЯМ СЕРДЦА, ТАК СКАЗАТЬ, ПОМЯГЧЕ.

– Только что шел, никого не трогал, и вдруг – раз! – уже мертв. Как же так?

– ДУМАЙ ОБ ЭТОМ, КАК... О ПЕРЕХОДЕ В ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

Тень клоуна Бино повернулась к Смерти.

– О чем ты там говоришь?

– О ТОМ, ЧТО ТЫ УМЕР.

– Да. Я понял.

Бино уже расслабился и перестал слишком много думать о событиях в мире, который больше не имел к нему отношения. Смерть знал, что люди часто ведут себя подобным образом после первоначального замешательства. В конце кон-

цов, худшее уже произошло. А дальше... как повезет.

– НЕ СОБЛАГОВОЛИШЬ ЛИ ПОСЛЕДОВАТЬ СО МНОЙ?

– А там будут пирожные с заварным кремом? Красные носы? *Жонглирование*? Мешковатые штаны огромных размеров?

– НЕТ.

Почти всю свою короткую жизнь Бино провел в роли клоуна. Размалеванное лицо растянулось в мрачной улыбке.

– Меня это вполне *устраивает*.

Встреча Ваймса с патрицием закончилась так же, как заканчиваются все подобные встречи: когда гость уходит со смутным, но мучительным подозрением, что он только что чуть не расстался с жизнью.

Выйдя из дворца, Ваймс поплелся к своей будущей невесте. Он знал, где ее найти.

Надпись, нацарапанная на огромных двойных воротах дома на Морфической улице, гласила: «Здесь имеются Драгоны».

На медной табличке, прибитой *возле* ворот, было написано: «Санаторий Для Тяжело Больных Драконов «Солнечный Свет».

Рядом стоял маленький, полый и очень жалкий на вид дракончик из папье-маше, державший в лапах коробку для пожертвований с надписью: «Не Дайте Моему Пламени

Угаснуть». Коробка была прикована к стене очень толстой тяжелой цепью.

Именно здесь госпожа Сибилла Овнец проводила почти все свое время.

Ваймсу давно было известно, что она самая богатая женщина в Анк-Морпорке. Но на самом деле госпожа Овнец оказалась богаче всех женщин, вместе взятых.

В городе поговаривали, что это будет очень странная свадьба. К людям, стоявшим выше его по социальной лестнице, Ваймс всегда относился с плохо скрываемой неприязнью. От благородных женщин у него болела голова, а от мужчин чесались кулаки. А ведь Сибилла Овнец была последней оставшейся в живых представительницей одного из старейших родов Анка. Но после того как их закружило вместе, подобно двум щепкам, упавшим в водоворот, обоим пришлось подчиниться неизбежному...

В детстве Сэм Ваймс думал, что очень богатые люди едят с золотых тарелок и живут в мраморных дворцах.

Теперь он открыл для себя кое-что новое: на самом деле только очень-очень богатые могут позволить себе быть бедными. Сибилла Овнец жила в той бедности – практически на грани нищеты, которая была доступна лишь *невероятно* богатым людям. Обычные зажиточные дамы копили деньги и покупали для себя шелковые платья с кружевами и жемчугом, но госпожа Овнец была так богата, что свободно разгуливала по дворцу в резиновых сапогах и твидовой юбке,

доставшейся ей от матери. Она была так богата, что могла позволить себе питаться сухими крекерами и бутербродами с сыром. Она была так богата, что в особняке из тридцати четырех комнат занимала только три; остальные были заставлены очень дорогой и очень *старой* мебелью, покрытой пыльными простынями.

«Причина того, что богатые люди так богаты, – рассуждал Ваймс, – заключается в том, что им удается тратить меньше денег».

Возьмем, к примеру, обувь. Сам Ваймс зарабатывал тридцать восемь долларов в месяц плюс суточные. Пара действительно хороших сапог стоила пятьдесят долларов. Но *позволить* себе он мог только те, которые стоили десять долларов. Такие сапоги выдерживали сезон или два, но потом картон изнашивался, и они начинали чертовски сильно протекать. Тем не менее он покупал их и носил до тех пор, пока подошвы не истончились настолько, что даже туманной ночью он мог определить, в каком районе Анк-Морпорка находится – по одному только ощущению булыжников под ногами.

Дело в том, что *хорошие* сапоги служат долгие годы. Человек, который может позволить себе потратить пятьдесят долларов, даже через десять лет останется обладателем сухих сапог, в то время как бедняк за этот срок изнашивает сто пар, и все равно *его ноги будут оставаться мокрыми*.

Такова была «сапожная» теория капитана Сэмюэля Ваймса, раскрывавшая причины социально-экономической

несправедливости.

Представьте, Сибилла Овнец почти ничего никогда не покупала. В ее особняке было сколько угодно большой прочной мебели, приобретенной ее предками. И эта мебель почти не изнашивалась. У нее имелась целая батарея шкапулов, доверху наполненных драгоценностями, копившимися веками. Ваймс бывал в ее винном погребе, который был настолько огромен, что в нем легко бы заблудился целый полк спелеологов. Впрочем, прежде они напились бы до такой степени, что оказались бы не прочь потеряться там навсегда.

Короче говоря, госпожа Сибилла Овнец жила вполне безбедно, но при этом тратила, как подсчитал Ваймс, примерно вдвое меньше, чем он сам. Впрочем, изрядная часть средств уходила на драконов.

Здание Санатория Для Тяжело Больных Драконов «Солнечный Свет» имело очень-очень толстые стены и очень-очень легкую крышу, словом, обладало теми характерными архитектурными особенностями, которые можно встретить, к примеру, на фабрике фейерверков.

Дело в том, что хроническая болезнь – это естественное состояние болотного дракона. А естественное состояние нездорового дракона – быть размазанным по стенам, полу и потолку любого помещения, в котором он в тот момент оказался. Болотный дракон – это плохо управляемый, опасно нестабильный химический завод в одном шаге от взрыва. В одном очень коротком шаге.

Высказывалось предположение, что привычка люто взрываться от злости, возбуждения, страха или просто от скуки – эта черта, развившаяся в результате эволюции с целью защиты³ от хищников. «Ешьте драконов, – как бы гласила она, – и у вас случится несварение желудка, которое точнее всего можно будет описать при помощи термина «радиус взрыва».

Поэтому Ваймс толкнул дверь предельно осторожно. И сразу же ощутил сильный запах драконов. Это был необычный запах даже по Анк-Морпоркским меркам – словно Ваймс оказался возле пруда, в который многие годы сливали алхимические отходы, а потом разом осушили.

Маленькие дракончики возбужденно засвистели на него и заухали из своих загонов по обе стороны дорожки. Несколько разгоряченных порывов пламени опалили волосы на его ногах.

Сибиллу Овнец он нашел в обществе двух молодых женщин в штанах – из тех, что помогали ей управляться с Санаторием. Женщины, которых обычно звали Сарами или Эмами, на взгляд Ваймса, выглядели совершенно одинаково. В настоящий момент они сообща боролись с чем-то похожим на разгневанный мешок. Госпожа Овнец подняла на него взгляд.

– А вот и Сэм, – пророкотала она. – Держи покрепче, там малыш.

³ С точки зрения вида в целом, но не отдельного дракона, усеявшего пейзаж своими ошметьями.

Мешок сунули Ваймсу в руки. В тот же миг дно мешка изнутри пропорол коготь и стал бешено скрести по нагруднику капитана в отчаянной попытке выпустить ему кишки. Из горловины мешка высунулась остроухая голова. Два пылающих красных глаза сфокусировались на краткий миг, зубастая пасть ощерилась, и на Ваймса пыхнуло зловонным паром.

Госпожа Овнец торжествующе схватила дракона за нижнюю челюсть, а другую руку по локоть засунула ему в глотку.

– Попался! – Она повернулась к Ваймсу, который пока еще не мог отойти от потрясения. – Этот дьяволенок никак не хотел принимать известняковые таблетки. Глотай. *Глотай!* Вот так! Хороший мальчик... Можешь его отпустить.

Мешок шлепнулся к ногам Ваймса.

– Сложный случай Беспламенных Колик, – поведала госпожа Овнец. – Надеюсь, мы успели вовремя...

Дракон выбрался из мешка и огляделся в поисках чего-нибудь такого, что можно сжечь. Все осторожно попятились.

Затем дракон скосил глаза и икнул.

Известняковая таблетка *вылетела* из глотки и отскочила от стены.

– *Ложись!*

Они бросились к ближайшему укрытию, которым оказались поилка и насыпная куча отработанного шлака.

Дракон еще раз икнул и озадаченно склонил голову.

А потом он взорвался.

Когда дым рассеялся, Ваймс и женщины подняли головы и посмотрели на грустный маленький кратер.

Госпожа Овнец извлекла носовой платок из кармана кожаного комбинезона и высморкалась.

– Глупый маленький шельмец, – произнесла она. – Ну что ж... Как дела, Сэм? Ты встречался с Хэвлоком?

Ваймс кивнул. Наверное, до конца жизни, подумал он, ему не удастся привыкнуть к мысли, что у патриция Анк-Морпорка есть имя и что кто-то знаком с ним настолько близко, что может позволить себе это имя произносить.

– Я размышлял о завтрашнем ужине, – произнес он с отчаянием. – Знаешь, я действительно не думаю, что смогу...

– Не говори глупостей, – возразила госпожа Овнец. – Тебе понравится. Давно пора завязать знакомство с Нужными Людьми. Ты понимаешь это не хуже меня.

Ваймс уныло кивнул.

– Значит, будем ждать тебя в восемь, – сказала она. – И не смотри на меня так. Этот ужин поможет тебе чрезвычайно! Ты слишком хороший человек, чтобы ночами шататься по темным улицам. Пришло время принять этот мир.

Ваймс хотел сказать, что ему *нравится* шататься по темным мокрым улицам, но передумал. На самом деле не очень-то и нравится. Просто ничем другим он никогда не занимался. Он думал о значке примерно так же, как о своем носе. Нос невозможно ни любить, ни ненавидеть. Он просто есть,

и всё. То же самое можно сказать о главном атрибуте стражника.

– Пока что беги, а завтра мы отлично повеселимся. У тебя есть носовой платок?

Ваймса посетила легкая паника.

– Что?

– Дай его мне. – Она поднесла платок к его рту. – А теперь плюй...

Ваймс послушно плюнул, и она стерла с его щеки грязь. Одна из взаимозаменяемых Эмм издала тихий смешок, на который госпожа Овнец не обратила ни малейшего внимания.

– Вот, – сказала она. – Так гораздо лучше. А теперь ступай и сохрани покой на улицах ради всех нас. Но если захочешь сделать что-то действительно полезное, можешь поискать Пухлика.

– Пухлика?

– Вчера ночью он сбежал из загончика.

– Что? Дракон?

Ваймс простонал и вытащил из кармана дешевую сигару. Болотные драконы нередко докучали горожанам.

Люди покупали их, когда они вырастали до шести дюймов в длину, в качестве симпатичных домашних зажигалок. Но затем, когда дракончики начинали портить мебель огнем и оставлять разъеденные кислотой дыры в коврах, полах и потолках подвалов под ними, их выгоняли на улицу на произ-

вол судьбы.

Госпожу Овнец это ужасно возмущало.

– Мы отобрали его у кузнеца, что на Легкой улице. Я сказала ему: «Любезнейший, перестаньте издеваться над животным. Пользуйтесь горном, как все нормальные люди». Бедняжка Пухлик...

– Пухлик, значит? – пробормотал Ваймс. – Огонечку не найдется?

– У него синий ошейник, – добавила госпожа Овнец.

– Ладно, хорошо.

– Он пойдет за тобой как ягненок, если решит, что у тебя есть угольное печенье.

– Хорошо. – Ваймс принялся хлопать себя по карманам.

– В такую погоду они немного нервные.

Ваймс склонился над загончиком с детенышами и извлек оттуда самого мелкого, возбужденно хлопавшего крыльями. Дракончик отрыгнул короткой струей голубого пламени. Ваймс быстро прикурил.

– Сэм, мне не нравится, когда ты так делаешь.

– Извини.

– Так что если бы ты мог попросить юного Моркоу вместе с этим *милейшим* капралом Шноббсом поискать для меня Пух...

– Никаких проблем.

По какой-то загадочной причине госпожа Сибилла – во всех других отношениях весьма проницательная дама – про-

должала считать капрала Шноббса дерзким, но милым плутишкой. Это всегда озадачивало Ваймса. Возможно, так работает притяжение противоположностей. Овнецы были высокороднее горных орлов, в то время как капрала Шноббса было трудно принять даже за человека.

Когда немного позднее Ваймс шел по городу в ржавой кольчуге поверх кожаной рубашки и в нахлобученном на голову шлеме, ощущая сквозь изношенные подошвы сапог булыжники мостовой Акрского переулка, никому из прохожих даже в голову не могло прийти, что этот человек со дня на день женится на богатейшей женщине Анк-Морпорка.

Пухлик чувствовал себя несчастным драконом.

Он скучал по кузнице. Ему нравилась кузница. Там он ел угля от пуза, и кузнец обращался с ним вполне терпимо. Пухлик не требовал от судьбы многого, и такая жизнь его вполне устраивала.

До тех пор, пока эта огромная женщина не увела его отсюда и не посадила в загон. Вокруг сидели другие драконы, а Пухлик недолюбливал других драконов. К тому же его стали кормить непривычным для него сортом угля.

Поэтому он очень обрадовался, когда кто-то вытащил его из загона посреди ночи. Он подумал, что сейчас его отнесут обратно к кузнецу.

Но теперь до него дошло, что, скорее всего, это не так. Он сидел в ящике, который постоянно толкали, и постепенно начинал злиться...

Обмахнувшись блокнотом, как веером, сержант Колон сердито посмотрел на собравшихся стражников.

Затем откашлялся.

– Так, ребята, располагайтесь, – сказал он.

– Мы уже давно расположились, Фред, – заметил капрал Шноббс.

– Для тебя я сержант, Шнобби, – строго поправил Колон.

– А зачем нам вообще расслаживаться? Раньше ничего подобного не было. Сидим и слушаем тебя, как дураки...

– Теперь, когда нас стало больше, мы должны придерживаться правил, – ответил сержант Колон. – Так! Кхм... Что ж. Ладно. Сегодня мы приветствуем вступивших в Стражу младшего констебля Детрита – *не отдавай честь!* – младшего констебля Дуббинса, а также младшего констебля Ангву. Надеюсь, служба ваша будет долгой и... Что это у тебя, Дуббинс?

– В смысле? – переспросил Дуббинс с самым невинным видом.

– Не могу не заметить, младший констебль, что ты держишь в руках нечто похожее на двусторонний метательный топор – несмотря на то что я уже зачитывал тебе устав Стражи.

– А нельзя ли это счесть за этническое оружие? – осведомился Дуббинс с надеждой в голосе.

– Положи его в свой личный шкафчик. На службе страж-

нику полагается короткий меч – одна штука, и дубинка – тоже одна.

«За исключением Детрита», – мысленно добавил он. Во-первых, в огромной руке тролля даже самый длинный меч смотрелся не крупнее зубочистки. А во-вторых – сначала Детриту нужно научиться отдавать честь, иначе в Анк-Морпорке появится стражник с прищипленной к уху рукой. Нет уж, хватит ему одной дубинки. Впрочем, даже с ней он рискует забить себя до смерти.

Тролли и гномы, черт возьми! Гномы и тролли! За что ему такое – в его-то годы? И ведь это еще не самое плохое!

Колон вновь откашлялся. Когда он зачитывал выдержки из своего блокнота, голос его становился возвышенно-певучим, как у человека, в школе учившегося публичным выступлениям.

– Итак, – произнес он с некоторой неуверенностью, – здесь говорится, что...

– Сержант?

– Ну что еще... А, это ты, капрал Моркоу.

Слушаю.

– Вы ничего не забыли, сержант? – спросил Моркоу.

– Не знаю, – осторожно ответил Колон, – а что?

– По поводу новобранцев, сержант. О том, что они обязаны принять, – намекнул Моркоу.

Сержант Колон почесал нос. Так, подумаем... Согласно приказу каждый из них принял (и расписался в получении)

одну кольчужную рубаху (материал: железные кольца), один шлем (медно-железный) и один нагрудник (железный), за исключением младшего констебля Ангвы, которой требовался нагрудник специального образца, и младшего констебля Детрита, расписавшегося за кое-как подогнанный по его фигуре кусок брони, некогда принадлежавший боевому слону. Кроме обмундирования каждый принял: одну дубинку (дубовую), одну пику или алебарду (для чрезвычайных ситуаций), один арбалет, одни песочные часы, один короткий меч (кроме младшего констебля Детрита) и один служебный значок Ночной Стражи (медный).

– По-моему, они приняли всё, Моркоу, – ответил Колон. – И все расписались. Даже за Детрита поставили крестик.

– Они должны принять присягу, сержант.

– А? О! Правда, что ли?

– Да, сержант. Таков закон.

Сержант Колон смутился. Возможно, такой закон и был. В подобных делах Моркоу разбирался несравнимо лучше. Он был единственным человеком в мире, который знал законы Анк-Морпорка наизусть. Колон же ведал только то, что он *никогда* в жизни не принимал присягу, а самыми близкими к присяге словами, которые произнес Шноббс, были: «Ну что, придурки, сыграем в солдатиков?»

– Ну хорошо, – промолвил сержант. – Вы все должны, э-э, принять присягу. Капрал Моркоу покажет, как это делается. Ты же принимал присягу, когда присоединился к нам,

Моркоу?

– Конечно, сержант. Только никто меня о ней не спрашивал, поэтому я принял сам – тихонечко, вполголоса.

– М-да? Ну ладно. Продолжай.

Моркоу встал, снял с головы шлем и пригладил волосы. Затем поднял правую руку.

– Поднимите и вы правые руки, – сказал он. – Это та, которая ближе к младшему констеблю Ангве, младший констебль Детрит. А теперь повторяйте за мной...

Он закрыл глаза и пошевелил губами, словно прочитав что-то написанное внутри черепа.

– Я, запятая, квадратная скобка, имя новобранца, квадратная скобка, запятая... – Он кивнул. – Повторите.

Все хором повторили. Ангва еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

– ...торжественно клянусь, квадратная скобка, имя божества, выбранное новобранцем, квадратная скобка...

Ангва старалась не смотреть на вдохновенное лицо Моркоу.

– ...соблюдать законы и постановления городов Анка и Морпорка, оправдывать доверие общества и защищать подданных Его, косая черта, Ее, квадратная скобка, подчеркнуть нужное, квадратная скобка, Величества, квадратная скобка, имя правящего монарха, квадратная скобка...

Ангва попыталась сфокусировать взгляд на точке позади уха Моркоу. К тому же терпеливый монотонный голос Дет-

рита уже начал отставать на пару дюжин слов от остальных.

– ...без страха, запятая, упрека или мыслей о личной безопасности, точка с запятой, преследовать злоумышленников и защищать невинных, запятая, пожертвовать жизнью, запятая, если это станет необходимым для выполнения упомянутого долга, запятая, и да поможет мне, скобка, вышеупомянутое Божество, скобка, точка, Боги, Храните Короля, косая черта, Королеву, подчеркнуть нужное, скобка, точка.

Ангва облегченно замолчала, и только после этого *осмелилась* взглянуть в лицо Моркоу. По щекам капрала текли слезы.

– Э-э... Ну что ж, вот и всё, спасибо, – произнес сержант Колон спустя некоторое время.

– ...*за-щи-щать не-вин-ных за-пя-тая...*

– Закончишь в личное время, младший констебль Детрит. – Сержант откашлялся и вновь заглянул в блокнот. – Итак, Хапугу Хоскинса опять выпустили из тюрьмы, так что будьте начеку. Сами знаете, во что он превращается, когда празднует свое очередное освобождение. Далее: этот чертов тролль Каменноугл вчера снова избил четверых...

– ...*вы-пол-не-ния упо-мя-нутого дол-га за-пя-тая...*

– А где капитан Ваймс? – поинтересовался Шнобби. – Это же его обязанности.

– Капитан Ваймс... э-э... разбирается с делами, – пояснил сержант Колон. – Учиться гражданской жизни – это не просто, знаешь ли. Так...

Он снова посмотрел в блокнот, затем на стражников. Стражников... ха!

Пошевелив губами, он пересчитал подчиненных. Между Шнобби и констеблем Дуббинсом сидел очень маленький оборванный человечек, чьи борода и волосы настолько отросли и засалились, что он стал похож на хорька, выглядевшего из кустов.

– ...*да по-мо-жет мне скоб-ка вы-ше-упо-мя-нутое Бо-жес-тво скоб-ка точ-ка.*

– О нет, – произнес сержант. – Что ты тут делаешь, Здесь-и-Сейчас? Спасибо, Детрит – *не отдавай честь!* – теперь можешь сесть.

– Меня задержал господин Моркоу, – мгновенно ответил человечек.

– Исключительно в целях безопасности, сержант, – пояснил Моркоу.

– *Опять?* – Колон снял ключи от камер с гвоздя над столом и бросил их вору. – Ну хорошо. Третья камера. Возьми ключи с собой, мы крикнем, если они нам понадобятся.

– Весьма вам благодарен, господин Колон, – ответил Здесь-и-Сейчас и пошел вниз, к камерам.

Колон покачал головой.

– Самый ужасный вор в мире, – пробормотал он.

– Но он выглядит не настолько ужасно, – возразила Ангва.

– Нет, под словом «*ужасный*» я подразумеваю не внешность, – пояснил Колон. – Скорее способность выполнять

свою работу.

– Помните, как он хотел пробраться в Дунманифестин, чтобы выкрасть у богов Секрет Огня? – ухмыльнулся Шнобби.

– А я сказал: «Но он у нас уже *есть*, Здесь-и-Сейчас. Мы пользуемся им не меньше тысячи лет», – подхватил Моркоу. – И тогда он ответил: «Ага! Значит, огонь обладает антикварной ценностью!»⁴

– Бедняга, – вздохнул сержант Колон. – Ну ладно. Что мы еще забыли... Моркоу?

– Теперь каждый из них должен получить Королевский Шиллинг, – подсказал Моркоу.

– Правильно. Да. Конечно.

Колон порылся в карманах и вытащил оттуда три крошечных анк-морпоркских доллара, в которых золота содержалось примерно столько же, сколько в морской воде. Он швырнул монеты новобранцам – по очереди каждому.

– Это и называется Королевским Шиллингом, – сказал он, бросив на Моркоу тревожный взгляд. – Не знаю почему, но вы должны получить их при вступлении в Стражу. Таковы правила, видите ли. Чтобы показать, что вы к нам присоединились. – На мгновение смутившись, Колон закашлялся. – Вот. Ах да. Толпа камнежо... в смысле, какие-то тролли, –

⁴ Огонь у богов похитил Проньра-Мазда – самый первый вор в истории Плоского мира. Но он не смог его сбыть из-за высокой температуры. Можно сказать, сгорел на работе.

поправился он, – устроили нечто вроде шествия по Короткой улице. Так, младший констебль Детрит – *не позволяйте ему отдавать честь!* – ты можешь объяснить нам, что происходит?

– Ента тролльский Новый год, – ответил Детрит.

– Правда? Полагаю, нам следует изучать такие вещи. А еще тут написано, что низкосра... в смысле, гномы собрались на митинг или что-то в этом роде.

– Сегодня годовщина Кумской битвы, – отозвался констебль Дуббинс. – День знаменитой победы над троллями.

Он огляделся с самодовольным видом, судя по гордо вздернутой бороде.

– Нападать из засады все герои, – проворчал Детрит, сердито взглянув на гнома.

– Что? Да это тролли... – начал было Дуббинс.

– Заткнитесь оба! – прервал их Колон. – Слушайте, здесь написано... написано, что они маршируют... маршируют *прямо* по Короткой улице. – Он перевернул бумагу. – Это правда?

– То есть тролли и гномы идут навстречу друг другу? – уточнил Моркоу.

– *Такой* парад ты точно не захочешь пропустить, – сказал Шноббс.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовалась Ангва. Моркоу неопределенно помахал руками в воздухе.

– Господи! Там сейчас такое начнется! Надо срочно что-

то делать.

– Гномы и тролли ладят между собой, как огонь и солома, – пояснил Ангве Шноббс. – Тебе когда-нибудь доводилось бывать в горящем доме?

Обычно красное лицо сержанта Колона стало бледно-розовым. Он застегнул на талии ремень с мечом и взял в руку дубинку.

– И помните, – сказал он, – главное – проявлять осторожность!

– Ага, – согласился Шноббс. – Давайте проявим осторожность и никуда не пойдём.

Чтобы понять, почему тролли и гномы не любят друг друга, надо обратиться к далекому прошлому.

Они похожи друг на друга, как сыр и мел. Seriously, именно как сыр и мел. Один органического происхождения, другой – каменный, но запах от них исходит похожий. Гномы зарабатывают на хлеб насущный, разбивая камни с ценными минералами внутри, а такая кремниевая форма жизни, как тролли, в основном и есть камни с ценными минералами. В дикой природе тролли большую часть времени проводят, валяясь в спячке, но это не то агрегатное состояние камня, в котором ему следует находиться, если по округе рыскают трудолюбивые гномы. Гномы, в свою очередь, терпеть не могут троллей. Согласитесь, неприятно, когда ты с большим трудом отыскиваешь камень с богатой жилой внутри, а

он вдруг поднимается и отрывает тебе руку лишь за то, что ему в ухо воткнули кирку.

В конце концов, дело дошло до состояния перманентной межвидовой вендетты, которая, как всякая добрая вендетта, уже не нуждалась в конкретной причине. Достаточно было того, что она существовала всегда⁵. Гномы ненавидели троллей за то, что тролли ненавидели гномов, и наоборот.

Стражники притаились в Трехламповом переулке, что находится примерно на середине Короткой улицы. Издалека доносился треск фейерверков. Гномы с их помощью отгоняли злых шахтных духов. Тролли же ценили фейерверки за то, что они весело взрывались во рту.

– Не понимаю, почему бы нам не позволить им подраться, а потом просто арестовать проигравших? – выразил недоумение капрал Шноббс. – Мы же всегда так делаем!

– В последнее время патриция крайне раздражают межэтнические конфликты, – угрюмо ответил сержант Колон. – А когда его что-то раздражает, грустно становится всем.

Вдруг его посетила мысль, от которой он даже немного оживился.

– Есть какие-нибудь идеи, Моркоу? – осведомился он.

Вслед за первой мыслью пришла вторая: в конце концов, Моркоу – простой деревенский парень...

– Капрал Моркоу?

⁵ Кстати, сражение в Кумской долине – это единственная известная в истории битва, в которой обе стороны устроили засаду друг на друга.

– Сержант?

– Разберись с этим, хорошо?

Осторожно выглянув из-за угла, Моркоу осмотрел сближавшиеся стены из троллей и гномов. Они уже видели друг друга.

– Слушаюсь, сержант, – сказал он. – Младшие констебли Дуббинс и Детрит – *не отдавай честь!* – вы пойдете со мной!

– Ему нельзя туда ходить! – забеспокоилась Ангва. – Это же верная смерть!

– Этот парень знает, что такое чувство долга, – ответил капрал Шноббс, после чего извлек из-за уха короткий сигарный окурок и чиркнул спичкой по подошве башмака.

– Не беспокойтесь, девушка, – сказал Колон. – Он...

– Младший констебль, – перебила Ангва.

– Что?

– Младший констебль, – повторила она, – а не девушка. Моркоу сказал, что, пока я на службе, у меня такие же половые признаки, как у вас.

Шнобби отчаянно закашлялся, а сержант Колон очень быстро проговорил:

– Я хотел сказать, *младший констебль*, что у юного Моркоу имеется огромная кризма.

– Кризма?

– Ага. Невероятных размеров!

Тряска прекратилась. Теперь Пухлик был по-настоящему

раздражен. Очень-очень раздражен.

Послышался какой-то шорох, и край мешковины отодвинулся. На Пухлика уставился еще один дракон мужского пола.

И он тоже выглядел раздраженным.

Пухлик отреагировал единственным известным ему способом.

Моркоу встал посреди улицы, скрестив руки на груди, и стал наблюдать одновременно за двумя приближавшимися шествиями, пока два новобранца пытались укрыться за его широкой спиной.

Колон считал Моркоу простым, как три цента. Моркоу часто поражал людей своей простотой. Собственно, таковым он и был.

Но люди часто ошибаются, считая простоту синонимом глупости.

Моркоу не был глупым. Он был прямым, добродушным, честным и откровенным со всеми. Впрочем, в Анк-Морпорке такое сочетание качеств вполне себе считалось глупостью, ибо снижало коэффициент выживаемости до уровня «медуза в доменной печи». Но в случае с Моркоу вступали в силу два дополнительных фактора: во-первых, хорошо поставленный удар, к которому даже тролли относились с большим уважением, а во-вторых, он был неподдельно, почти сверхъестественно обаятелен. Он отлично ладил с людьми, даже ес-

ли их арестовывал. А еще он обладал исключительной памятью на имена.

Большую часть своей юной жизни он провел в маленькой гномьей колонии, где знать особо некого. Но потом он очутился в огромном городе, и там его талант раскрылся в полную силу. И что характерно – раскрывался до сих пор.

Моркоу весело помахал рукой приближавшимся гномам.

– Доброе утро, господин Бедролом! Доброе утро, господин Рукисила!

Затем он повернулся к троллям и помахал их предводителю. Раздался приглушенный хлопок взорвавшегося фейерверка.

– Доброе утро, господин Боксит!

Затем он сложил руки рупором и зычно проревел:

– Если бы вы все остановились и послушали меня...

Оба шествия *действительно* остановились – не без некоторого колебания и напирания задних рядов на передние. Впрочем, выбор был невелик: или стоять на месте, или наступать на Моркоу.

Если у Моркоу и были некоторые недостатки, то один из них заключался в том, что он редко обращал внимание на мелкие детали, если голова была занята крупными мыслями. Поэтому шепоток за своей спиной он пропустил мимо ушей.

– ...ха! *Это самое настоящее нападение из засады! Твоя мать тогда была еще рудой...*

– Итак, господа, – произнес Моркоу рассудительным, дру-

желюбным тоном, – я уверен, что нет причин для воинственного поведения...

– ...вы тоже устроили на нас засаду! Мой прадедушка был в Кумской долине, он мне все рассказал!

– ...в нашем прекрасном городе в такой чудесный день. Я хочу попросить вас как добропорядочных граждан Анк-Морпорка...

– ...ну да. Скажи еще, что ты знаешь, кем был твой отец!

– ...несмотря на то что вы, безусловно, обязаны соблюдать свои гордые этнические традиции, воспользуйтесь примером моих коллег, которые потопили свои древние разногласия...

– ...я те бабку разобью, подлец коротконогий!

– ...во имя дальнейшего процветания...

– ...да я тебя одной левой уделаю!

– ...нашего города, герб которого...

– ...давай рискни! После того как я вырву тебе правую!

– ...они с гордостью носят на своих значках.

– Аааа!

– Уууу!

До Моркоу дошло, что на него уже никто не обращает внимания. Он обернулся.

Младший констебль Дуббинс висел вниз ногами, поскольку младший констебль Детрит пытался стучать им, вернее его головой в шлеме, о мостовую. Впрочем, младший кон-

стебель Дуббинс воспользовался своим положением с максимальной выгодой, ухватив младшего констебля Детрита за колено и пытаясь вонзить зубы в его лодыжку.

Участники противоборствующих маршей зачарованно наблюдали за разыгрывающейся сценой.

– Нужно что-то делать! – нетерпеливо воскликнула Ангва из укрытия, в котором притаились стражники.

– Ну-у-у, – протянул сержант Колон, – этнические конфликты – это так сложно...

– Один неверный шаг – и вот тебе пожалуйста, – согласился Шнобби. – Эти простейшие человекоподобные виды – такие легкоранимые!

– Легкоранимые? Да они пытаются *убить* друг друга!

– Это культурное явление, – с несчастным видом попытался объяснить сержант Колон. – Мы же не можем навязывать им наши культурные традиции, верно? Иначе получится видофобия.

Лицо стоявшего посреди улицы Моркоу стало краснее свеклы.

– Если он хоть пальцем тронет кого-нибудь из них на глазах у всех их друзей, то... – пробормотал Шнобби. – В общем, план таков: давайте сразу сбежим отсюда ко всем чертям!

На могучей шее Моркоу вздулись вены. Он упер руки в боки и проревел:

– *Младший констебль Детрит! Отдать честь!*

Они потратили часы на его обучение. Мозгу Детрита требовалось время, чтобы постичь суть идеи, но если она оседала в голове, то оставалась там надолго.

Детрит отдал честь.

Рукой, в которой сжимал гнома.

Он взмахнул младшим констеблем Дуббинсом, как маленькой сердитой дубинкой, и треснул им себя по башке.

Грохот врезавшихся друг в друга шлемов отразился эхом от зданий, и мгновение спустя два тела рухнули с гроыхаением на мостовую.

Моркоу потрогал их носком сандалии.

Затем повернулся и, дрожа от гнева, зашагал к толпе гномов.

Сержант Колон, выглядывавший из переулка, в ужасе прикусил край шлема.

– При вас есть *оружие*, не так ли? – зарычал Моркоу одновременно на целую сотню гномов. – Признавайтесь! Если кто-то из гномов не бросит его прямо сейчас, то весь парад... я подчеркиваю – *весь* парад будет рассажен по камерам! Я не шучу!

Гномы, стоявшие в первом ряду, отступили на шаг. Раздался беспорядочный звон металлических предметов, посыпавшихся на мостовую.

– Все до одного, – угрожающе произнес Моркоу. – Это и тебя касается, чернобородый. Не пытайся спрятаться за господина Пращеврата! Тебя я тоже *вижу*, господин Рукисила!

Клади на землю. Эй! Кому здесь смешно?

– Сейчас он точно умрет, – убитым голосом произнесла Ангва.

– Забавно, – заговорил Шнобби, – если бы мы попытались проделать что-нибудь подобное, то превратились бы в маленькие кусочки фарша. А у него, кажется, получается.

– Кризма, – произнес сержант Колон, опершийся от переживаний о стену.

– Вы имеете в виду – харизма? – спросила Ангва.

– Ага. И она тоже. Ага.

– Как у него это получается?

– Не знаю, – ответил Шнобби. – Может, потому что он общительный?

Моркоу повернулся к троллям. Те ухмылялись, увидев замешательство гномов.

– Теперь насчет вас, – сказал он. – Сегодня вечером я буду патрулировать Каменноломный переулок и надеюсь не увидеть там никаких безобразий. Скажите, я надеюсь не зря?

Раздалось шарканье огромных сверхгабаритных ног и невнятное бормотание.

Моркоу приложил ладонь к уху.

– Я не совсем расслышал, – сказал он.

Бормотание стало громче, превратившись в нечто вроде токкаты для сотни недовольных голосов на тему «Да, капрал Моркоу».

– Отлично! Теперь можете идти. И чтобы больше никаких

глупостей, славные ребятки.

Моркоу стряхнул пыль с ладоней и улыбнулся всем присутствующим. Тролли застыли с озадаченными выражениями лиц. Теоретически Моркоу уже был обязан превратиться в тонкий жирный блин, размазанный по мостовой. Но почему-то этого так и не произошло...

– Он только что обозвал целую сотню троллей «славными ребятками», – изумленно произнесла Ангва. – Но ведь некоторые из них только что спустились с гор! А другие покрыты *лишай-ником!*

– И это самое элегантное, что можно на них узреть, – проворчал сержант Колон.

А потом мир взорвался.

Стражники отбыли незадолго до того, как капитан Ваймс вернулся в Псевдополис-Ярд. Он поднялся по лестнице в свой кабинет, плюхнулся в липкое кожаное кресло и тупо уставился в стену.

Он *хотел* покинуть службу. Конечно же хотел.

Ведь подобный образ жизни даже нельзя назвать *жизнью*.

Ненормированный рабочий день. Постоянная неуверенность, существует ли вообще закон в этом не в меру прагматичном городе. Никакой личной жизни, в конце концов! Отвратительная еда перекусами. Приходилось порой питаться даже сосисками в булочках, которыми торговал Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. Непрекращавшийся дождь или пек-

ло. Никаких друзей, кроме коллег-стражников, потому что они были единственными людьми, которые жили с тобой *в одном мире*.

Впрочем, через несколько дней он будет кататься, как кусок сыра в масле, по меткому выражению сержанта Колона. Он станет бездельничать целыми днями – только кушать и разъезжать на большой лошади, выкрикивая всяческие приказы.

В такие моменты в его памяти всплывал образ старого сержанта Каппля. Этот человек служил начальником Стражи в ту пору, когда Ваймс был еще зеленым новобранцем. А потом, когда Каппль уходил в отставку, стражники собрались вместе и купили для него дешевые часы – из тех, что исправно работают несколько лет, пока не испарится их внутренний демон.

«Чертовски глупый подарок, – мрачно подумал Ваймс, глядя в стену. – Человек увольняется с работы, сдал значок, песочные часы и колокольчик, и что мы дарим ему на память? Часы...»

Но на следующее утро Каппль все равно пришел на работу – со своими новыми часами. «Чтобы, так сказать, передать бразды правления в надежные руки, – сказал он, – и подвязать несколько болтающихся концов, ха-ха. И чтобы вы, сосунки, не натворили тут дел, хы-хы». Через месяц он стал приносить уголь для печки, подметать полы, бегать по мелким поручениям и писать рапорты. И так целых пять лет. А

на шестой год один из стражников, явившись на службу пораньше, обнаружил его лежавшим на полу...

В тот день вдруг выяснилось, что никто, *абсолютно* никто не знал, где он жил и существовала ли какая-нибудь миссис Каппль. Им пришлось хоронить его вскладчину, вспомнил Ваймс. И кроме стражников на похороны никто не пришел...

Если задуматься, на похоронах стражников всегда бывают только стражники...

Конечно, сейчас времена другие. Сержант Колон счастлив в браке уже много лет. Возможно потому, что работает с женой в разное время и в основном встречается с ней на пороге дома – да и то не каждый день. Но всякий раз она оставляет для него довольно сносную еду в духовке, и это явно говорит о том, что между ними что-то когда-то было. А наличие внуков и вовсе намекает, что прежде им было сложно избегать друг друга. О молодом Моркоу и говорить нечего – этому парню приходится отбиваться от молодых женщин палкой. А капрал Шноббс... наверное, тоже как-то устроил личную жизнь. Поговаривают, что у него имеется некое двадцатипятилетнее тело, только никто не знает, где он его прячет.

В общем, у каждого из стражников кто-то был, даже если против своей воли, как в случае со Шноббсом.

Итак, что ты скажешь, капитан Ваймс? Дорога ли тебе эта женщина?

О любви, понятно, речи не идет. Любовь – очень сомнительное слово для тех, кому за сорок. Возможно, ты просто

боишься превратиться в жалкого старика, который помрет однажды на обочине жизни и будет из сострадания похоронен кучкой сосунков. Для них ты навсегда останешься старым пердуном, который вечно путался под ногами, пока был жив, но охотно бегал за кофе с фиггинами и безропотно терпел шутки за своей спиной...

Он всегда мечтал избежать этого. И вот, как в волшебной сказке, сама Судьба преподнесла ему подарок...

Конечно, он знал, что она богата. Но к тому, что пришлось услышать в конторе господина Моркомба, он оказался не готов.

Господин Моркомб исполнял обязанности семейного поверенного Овнецов в течение многих лет. Вернее даже, столетий. Потому что господин Моркомб был упырем.

Ваймс недолюбливал упырей. Гномы, конечно, были те еще шельмецы, но если не напьются – вполне законопослушны. Даже тролли не доставляли особых хлопот, пока находились под присмотром. Но от умертвий у капитана Ваймса начинала чесаться шея. Лозунг «Живи и дай жить другим» – он, конечно, очень правильный, но в случае с вампирами возникало логическое противоречие...

Господин Моркомб был костлявым, чрезвычайно бледным и неторопливым, как черепаха. Ему потребовалась целая вечность, чтобы дойти до сути, но когда он до нее добрался, эта суть пригвоздила Ваймса к креслу.

– С-сколько?

– Э-э, думаю, не ошибусь, если скажу, что вся собственность, включая фермы, объекты городской застройки и небольшой участок возле Университета с движимым имуществом, приносит совокупный доход порядка... семи миллионов долларов в год. Семь миллионов по текущей оценке, разумеется.

– И это все будет *моим*?

– С того самого часа, когда вы заключите брак с госпожой Овнец. Впрочем, в своем письме она сообщила мне, что вы должны иметь доступ ко всем ее счетам прямо с сего момента.

Мертвые глаза жемчужного цвета внимательно изучали Ваймса.

– Госпожа Овнец, – сказал он, – владеет примерно одной десятой частью Анка, обширной собственностью в Морпорке, а также значительными сельскохозяйственными угодьями в...

– Но... но... мы будем владеть этим вместе...

– Госпожа Овнец высказалась вполне недвусмысленно. Она препоручает все свое имущество вам, как будущему законному мужу. В таких вопросах госпожа Овнец... немного старомодна...

Господин Моркомб толкнул через стол сложенную бумагу. Ваймс взял ее, развернул и принялся читать.

– Но если вы умрете раньше, чем она, – продолжил бубнить господин Моркомб, – то все наследство, разумеется,

вернется к ней согласно супружескому праву. Или к любому плоду от вашего союза, само собой.

В этот момент Ваймс немножко потерял дар речи. Он только чувствовал, как отвисает нижняя челюсть и начинают слипаться отдельные извилины мозга.

– Госпожа Овнец, – доносился откуда-то издалека голос адвоката, – хотя и не так уже молода, но все еще прекрасная здоровая женщина, и нет никаких причин, чтобы...

Остаток беседы Ваймс провел как в тумане.

Даже сейчас он едва мог об этом думать. Как только он вспоминал слова господина Моркомба, его мысли уносились прочь. И, как всегда бывало в тех случаях, когда мир для него становился слишком сложным, мысли обретали вполне конкретное направление.

Он выдвинул нижний ящик стола и уставился на блестящую бутылку Древнего Отборного Виски Джимкина Пивомеса. Ваймс понятия не имел, что она там делает. Почему-то он так и не удосужился ее выбросить.

Но стоит только снова начать, и он так и не выйдет на пенсию. Лучше отдать предпочтение сигарам.

Он закрыл ящик стола и, откинувшись на спинку стула, выудил из кармана толстый окурочок.

Да уж, Стража теперь не та, что прежде. Вот до чего довели ее политики. Ха! Старые стражники вроде Каппля перевернулись бы в своих могилах, если бы узнали, что сюда теперь принимают кого...

И тут мир взорвался.

Окно разлетелось вдребезги, осыпав стену позади Ваймса осколками и порезав ему ухо.

Он мгновенно упал на пол и закатился под стол.

Ну вот, доигрались! Алхимики в очередной раз взорвали свою Гильдию, и уж он, капитан Ваймс, лично позаботится, чтобы этот раз стал последним...

Но осторожно выглянув из-за подоконника, он увидел за рекой столб дыма, поднимавшийся над Гильдией Убийц...

Когда Ваймс добрался до Гильдии, вслед за ним по Филигранной улице рысью примчались остальные стражники. Двое одетых в черное убийц преградили путь, вежливо намекнув, что через секунду они запросто могут стать невежливыми. Из-за ворот доносился торопливый топот.

– Ты видишь мой значок? Видишь? – прокричал привратникам Ваймс.

– Не имеет значения. Это собственность Гильдии, – ответил один из убийц.

– Ну-ка открывайте ворота! Именем закона! – проревел Ваймс.

Убийца нервно улыбнулся.

– Закон гласит, что *внутри* стен Гильдии преимущественной силой обладают законы Гильдии.

Ваймс свирепо воззрелся на привратника, не зная что возразить. В сущности, он прав. Законы города, какими бы они

ни были, действовали только за пределами зданий Гильдий. У Гильдий же были собственные законы, поскольку Гильдии владели...

Он помотал головой.

Младший констебль Ангва, стоявшая за спиной Ваймса, наклонилась и подняла осколок стекла.

Затем пошевелила обломки ногой и вдруг встретила взглядом с маленькой дворняжкой невообразимого вида, очень внимательно наблюдавшей за ней из-под повозки. Впрочем, не такого уж невообразимого. Представьте себе дурной запах изо рта, к которому приделали влажный нос.

– Гав, гав, – лениво произнесла дворняжка, – Гав, гав, гав и р-р-р.

Псина развернулась и засемила в ближайший переулок. Оглядевшись, Ангва последовала за ней. Остальная часть отряда стражников окружила притихшего Ваймса.

– Позовите сюда старшего наставника, – произнес он. – Немедленно!

Юный убийца изобразил нечто похожее на усмешку.

– Ха! Ваша форма *меня* не пугает, – ответил он.

Ваймс посмотрел на свой потрепанный нагрудник и изношенную кольчугу.

– Извините, был не прав, – согласился он. – Такая форма пугать не может. Капрал Моркоу, младший констебль Детрит – выйти вперед!

Убийца внезапно понял, что на него больше не падают лу-

чи солнца.

– Думаю, ты согласишься со мной, – сказал Ваймс откуда-то из центра затмения, – что вот *эта* форма – по-настоящему страшная.

Убийца медленно кивнул. Такого поворота событий он не ожидал. Обычно стражники даже близко не подходили к Гильдии. Хотя бы из чувства самосохранения. В изысканно сшитой черной одежде привратника было спрятано по меньшей мере восемнадцать приспособлений для убийства людей, но у младшего констебля Детрита двумя такими приспособлениями заканчивались руки. В любую секунду они были, так сказать, под рукой.

– Наверное, э-э... будет лучше позвать наставника, – проговорил привратник.

Моркоу наклонился вперед.

– Благодарим за сотрудничество, – сурово произнес он.

Ангва наблюдала за собакой. Собака наблюдала за ней.

Младший констебль присела перед ней на корточки. Пси-на яростно почесала лапой за ухом.

Внимательно оглядевшись, чтобы убедиться, что их никто не видит, Ангва пролаяла вопрос.

– Можешь не утр-ружаться, – произнес пес.

– Ты умеешь разговаривать?

– Ха! Для этого не нужно слишком много ума, – ответил пес. – Как и на то, чтобы догадаться, кто ты такая на самом

деле.

Ангва запаниковала.

– Как ты понял?

– По запаху, девочка. Ты так ничему не нафучилась? От тefя за милю несет. Ох-хо, подумал я, что одна из *них* делает в Страже, гаф?

Ангва яростно потрясла пальцем.

– Если скажешь хоть кому-нибудь...

Выражение морды пса стало обиженной, чем обычно.

– Меня всё гавно никто не будет слушать, – сказал он.

– Почему?

– Потому что все знают, что собаки не умеют разговаривать. Люди слышат меня и *видят*, но если речь не идет о чем-то по-настоящему важном, они предпочитают думать, что им это послышалось. – Песик вздохнул. – Поверь мне. Я знаю о чем говорю. Я читал книги. Ну... по крайней мере, грыз их.

Он снова почесал за ухом.

– Мне кажется, – добавил он, – мы могли бы помочь друг другу...

– Каким образом?

– Ну, ты могла бы найти для меня фунт мяса. Мясо творит с моей памятью настоящие чудеса. Поел – и сразу всё забыл.

Ангва нахмурилась.

– Люди называют это словом «шантаж». И оно им очень не нравится, – сказала она.

– Это не единственное слово, которое не нравится лю-

дям, – ответил пес. – Взять, к примеру, меня. Я страдаю хронической разумностью. Какая от нее польза для собаки? Разве я о ней просил? Ни в коем случае! Я просто нашел уютное местечко в здании факультета Высокоэнергетической Магии этого вашего Незримого Университета, хотел комфортно провести там несколько ночей. Никто же не сказал мне, что эта чертова магия непрерывно сочится там изо всех щелей. Открываю глаза и – бац! – голова шипит, как растворимое слабительное. «Ну вот опять! – думаю я. – Привет, абстрактный концептуализм, здравствуй, интеллектуальное развитие...» Какая, черт возьми, мне от этого польза? В последний раз, гав!да это случилось, мне пришлось спасти мир от этих ужасных как-их-там из Подземельных Измерений, и что бы ты думала – кто-нибудь выразил благов!дарность? Кто-нибудь сказал: «Какой хороший пёсик, держи мозговую косточку»? Хав-ха! И вот такое со мной приключается почти каждую неделю. – Пес приподнял потертую лапу. – Меня зовут Гаспод. Если не обращать внимания на разумность, во всем остальном я совершенно обычная собака.

Ангва сдалась и пожалала побитую молью меховую конечность.

– Меня зовут Ангва. Кто я такая, ты и так знаешь.

– Уже забыл, – ослабилась Гаспод.

Капитан Ваймс внимательно оглядел двор, засыпанный обломками. В стене первого этажа зияла огромная дыра.

Все ближайшие окна были разбиты, и под ногами хрустели стеклянные осколки. Зеркальные, что характерно. Конечно, убийцы славятся своим тщеславием, но ведь зеркала должны находиться внутри комнат, а не снаружи, верно? Почему же стекла вылетели во двор?

Он заметил, как младший констебль Дуббинс наклонился и поднял с земли пару блоков с обгоревшей с одного конца веревкой.

Кроме них среди обломков лежала прямо-угольная картонка.

Волосы на тыльной стороне ладоней Ваймса зашевелились.

Он почуял отчетливый запах злодейства.

Ваймс первым был готов признать, что стражник из него не очень. Но, вероятнее всего, он был бы избавлен от такой необходимости, поскольку многие другие люди с радостью признали бы это за него. Виной всему была его чертова упрямая твердолобость, которая расстраивала высокопоставленных особ. А любой, кто расстраивает высокопоставленных особ, автоматически не может считаться хорошим стражником. Но за годы службы у него развились специфические инстинкты, без которых невозможно выжить на улицах большого города. И теперь он чувствовал, как неуловимо изменился город – подобно тому, как целые джунгли меняются при приближении охотника.

Здесь произошло что-то очень плохое, и он никак не мог

понять, что именно. Он наклонился и протянул руку...

– Что все это значит?

Ваймс выпрямился. Но оборачиваться не стал.

– Сержант Колон, приказываю вернуться в штаб-квартиру вместе со Шнобби и Детритом. Капрал Моркоу и младший констебль Дуббинс остаются со мной.

– Так точно, *сэр!* – с чувством воскликнул сержант Колон, громко щелкнув каблуками и отдав честь со всей возможной молодцеватостью, явно желая подразнить убийц.

Ваймс не мог не признать, что вышло у него неплохо.

И лишь только *после* этого капитан обернулся.

– О, доктор Проблемс... – проговорил он.

Лицо старшего наставника Гильдии Убийц побелело от гнева, составив прекрасный контраст с его черным одеянием.

– Вас сюда никто не приглашал! – сердито произнес старший наставник. – По какому праву вы находитесь здесь, господин жандарм? Кто вам позволил расхаживать здесь так, будто это ваша собственность?

Ваймс молчал, наслаждаясь моментом. Сердце его пело. Взять бы этот прекрасный момент и тщательно запечатлеть в большой книге, чтобы открывать иногда на старости лет и вспоминать свой триумф.

Он засунул руку за нагрудник и вытащил оттуда письмо поверенного.

– Что ж, если вы на самом деле хотите знать главную при-

чину, то извольте, – произнес он. – Выходит так, что это *действительно* моя собственность.

Человека характеризует то, что он ненавидит. Капитан Ваймс ненавидел довольно много вещей. Но убийцы были почти на самом верху списка – сразу после королей и умертвий.

Однако следует отдать должное доктору Проблемсу – он взял себя в руки довольно быстро. Он не взорвался, прочитав письмо, не стал спорить или утверждать, что письмо подделка. Он просто сложил его, вернул обратно и холодно произнес:

– Понятно. Безусловное право собственности, значит...

– Совершенно верно. А теперь не могли бы вы рассказать мне, что здесь произошло?

Из дыры в стене вылезли другие высокопоставленные убийцы и принялись очень внимательно осматривать обломки.

Немного помедлив, доктор Проблемс ответил:

– Всего лишь фейерверк.

– А было так, – сказал Гаспод. – Кто-то засунул дракона в ящик и приставил его к стене со стороны внутреннего двора. А потом спрятался за одну из статуй, потянул за веревочку и – бах!

– Бах?

– Точно. А потом наш дружок нырнул в дыру на несколь-

ко секунд, вылез оттуда, пометался по двору туда-сюда, но в следующую минуту весь двор затопили убийцы, и он смешался с толпой. Какого черта! Еще один человек в черном. И никто ничего не заметил, чуешь?

– Хочешь сказать, он еще там?

– Откуда мне знать? Капюшоны, плащи, все в черном...

– А почему именно ты это увидел?

– Ну, я всегда заглядываю в Гильдию Убийц по средам. Вечер гриль-ассорти, знаешь ли. – При виде недоуменного лица Ангвы Гаспод вздохнул. – В среду вечером тутошний повар всегда готовит мясное ассорти. А кровяную колбасу никто не ест. Так вот, ходишь вокруг кухни – гав-гав! тяф-тяф! – смотришь умоляющими глазками, а потом: «А кто у нас тут такой славный? Взгляните на этого маленького застранца. Смотрит так, будто понимает каждое слово. А что тут у нас есть для хорошего песика...»

На мгновение Гаспод смутился.

– Гордость – это, конечно, хорошо, – изрек он, – но сосиска есть сосиска.

– Фейерверк? – переспросил Ваймс.

Глаза доктора Проблемса забегали. Он выглядел как человек, хватающийся за бревно в беспокойном море.

– Да, фейерверк. Именно! В честь Дня Основания. К несчастью, кто-то бросил спичку рядом с припасенной коробкой. – Доктор Проблемс вдруг улыбнулся. – Дорогой ка-

питан Ваймс, – произнес он, хлопнув в ладоши, – как бы я ни ценил вашу заботу, но мне действительно...

– Коробка стояла внутри той комнаты? – перебил его Ваймс.

– Да, но какое это имеет значение?..

Ваймс прошел к дыре в стене и заглянул внутрь. Двое убийц взглянули на доктора Проблемса и с демонстративно равнодушным видом потянулись к различным местам своих одеяний.

Доктор Проблемс отрицательно покачал головой. Возможно, осторожность его была связана с тем, что Моркоу положил руку на рукоять меча, но, скорее всего, просто с тем, что у наемных убийц существовал определенный кодекс поведения. Убивать кого-то без оплаты считалось бесчестным.

– Похоже на какой-то... музей, – произнес Ваймс. – Реликвии Гильдии и все такое?

– Совершенно верно. Всякие памятные для нас мелочи. Сами понимаете – годы идут, а они все копят и копят.

– Что ж, вроде все в порядке, – подытожил Ваймс. – Извините за беспокойство, доктор. Сейчас уйду. Надеюсь, не сильно вас обременил.

– Ну что вы! Разумеется, нет. Рад, что нам удалось развеять ваши сомнения.

После этих слов стражников аккуратно, но твердо повели к воротам.

– На вашем месте, – сказал капитан Ваймс, обозрев еще

раз двор, – я бы поскорее убрал осколки. Будет печально, если кто-нибудь из ваших людей поранится о стекла.

– Сию же минуту займемся этим, капитан, – уверил его доктор Проблемс.

– Хорошо. Хорошо. Еще раз огромное спасибо! – Капитан Ваймс вдруг остановился в воротах и хлопнул себя по лбу. – Ох, простите великодушно – голова в последнее время как решето... Так что же, вы говорите, было украдено?

На лице доктора Проблемса не дрогнул ни один мускул, ни одна жилка.

– Я ничего не говорил об украденном, капитан Ваймс.

Ваймс уставился на него с великим изумлением.

– Точно! Простите! Ну конечно же... Мои извинения... Наверное, совсем заработался. Мы уйдем прямо...

Дверь Гильдии захлопнулась перед его носом.

– ...сейчас, – договорил Ваймс.

– Капитан, в чем д... – начал было Моркоу, но Ваймс резко поднял руку.

– Ну вот и всё, – сказала он чуть громче, чем требовалось. – Беспокоиться не о чем. Давайте вернемся обратно в штаб-квартиру. А где младший констебль Как-ее-там?

– Я здесь, капитан, – ответила Ангва, выходя из переулка.

– Ты что там, пряталась? А *это* кто?

– Вуф-Вуф-Тяф-Тяф!

– Это песик, капитан.

– О боги!

Бой большого проржавевшего Погребального Колокола эхом разнесся по всей Гильдии Убийц. Люди в черном бежали со всех сторон, толкая и отпихивая друг друга, чтобы поскорее оказаться во дворе.

Совет Гильдии спешно собрался у дверей кабинета доктора Проблемса. Заместитель доктора господин Низз осторожно постучал в дверь.

– Входите!

Члены совета вошли внутрь.

Кабинет Проблемса занимал самую большую комнату в здании. Посетителям всегда казалось странным, что Гильдия Убийц тяготеет к таким просторным, светлым, прекрасно спроектированным помещениям, которые ассоциировались скорее с джентльменским клубом, чем с местом, где ежедневно замышляются жестокие убийства.

На стенах висели жизнерадостные картины со сценами охоты, хотя, если присмотреться, в качестве дичи на них изображались не олени и не лисы. Кроме картин имелось несколько групповых гравюр, а также иконографии, совсем недавно вошедшие в моду. На одной из них были запечатлены сразу все члены Гильдии в черных одеждах и с улыбающимися лицами. Они стояли, выстроившись в несколько рядов, за исключением самых младших, которые сидели впереди, скрестив ноги, а один из них даже успел скорчить гри-

масу⁶.

В дальнем конце комнаты стоял большой стол из красного дерева, за которым еженедельно заседали старейшины гильдии. В другом конце располагалась личная библиотека Проблемса и небольшой верстак. Над верстаком висел аптечный шкафчик – с сотней маленьких ящичков. Названия на ящичках были написаны особым секретным шифром Наемных Убийц. Впрочем, предосторожность эта явно была излишней, поскольку посетители, не являвшиеся членами Гильдии, настолько теряли здесь волю от страха, что не смели отказать ни от каких предложенных им напитков.

Потолок поддерживали четыре колонны из черного гранита, на которых были высечены имена самых знаменитых Наемных Убийц за всю историю. В центре прямоугольника из колонн располагался рабочий стол Проблемса, занимавший площадь в четыре квадратных метра. А сразу за столом возвышался сам хозяин кабинета с лицом почти таким же деревянным, как его мебель.

– Нужно провести поголовную переключку, – немедленно приступил он к делу. – Кто-нибудь покидал Гильдию?

– Нет, сэр.

– Вы в этом уверены?

– Охранники, дежурившие на крышах домов Филигранной улицы, утверждают, что никто не входил и не выходил,

⁶ По какой-то неведомой причине на каждой групповой иконографии присутствует подобный персонаж.

сэр.

– А кто присматривал за *ними*?

– Они следят и друг за другом, сэр.

– Очень хорошо. А теперь слушайте меня внимательно. Обломки должны быть убраны. Если кто-то попытается покинуть здание, не спускать с него глаз. Все должны смотреть за всеми. Гильдия должна быть обыскана снизу доверху. Всё понятно?

– Но что мы будем искать, доктор? – выразил недоумение младший преподаватель отравлений ядовитыми веществами.

– Все... что может быть спрятано. Если вы обнаружите нечто вам непонятное, немедленно зовите членов совета. И ни в коем случае не прикасайтесь.

– Но, доктор, здесь может быть спрятано что угодно...

– Это будет совершенно особенное нечто. Всё ясно?

– Нет, сэр.

– Отлично. И чтобы этой убогой Стражи здесь духу не было! Эй, мальчик... принеси мою шляпу. – Доктор Проблемс вздохнул. – Наверное, придется доложить об этом патрицию лично.

– Глубоко сочувствуем, сэр!

Капитан ничего не говорил до тех пор, пока они не пересекли Бронзовый мост.

– В общем, так, капрал Моркоу, – произнес он наконец, –

помнишь, я говорил тебе, как важна наблюдательность?

– Так точно, капитан. Я всегда внимательно прислушиваюсь к вашим замечаниям.

– И что ты там заметил?

– Кто-то разбил зеркало. Все знают, что убийцы любят зеркала. Но если там был музей... зачем понадобилось вытаскивать зеркало во двор?

– Прошу прощения, сэр!

– Кто это сказал?

– Я внизу, сэр. Младший констебль Дуббинс.

– Ах да. Ну и?

– Я немного разбираюсь в фейерверках, сэр. После них всегда по-особому пахнет. Но я не почувствовал этого запаха, сэр. Там воняло чем-то другим.

– Неплохо... учуяно, Дуббинс.

– А еще там валялся кусок обгоревшей веревки с блоками.

– Там воняло драконом, – произнес Ваймс.

– Вы уверены, капитан?

– О да, – ответил Ваймс, поморщившись.

Даже после кратковременного нахождения в обществе госпожи Овнец запах дракона уже не спутать ни с каким другим. Когда во время обеда кто-то кладет тебе на колени голову, ты ничего не можешь с этим поделать. Ты просто вкладываешь ей в рот маленькие кусочки пищи и чертовски надеешься, что эта тварь не икнет.

– В той комнате стоял стеклянный шкаф, – сказал

Ваймс, – а теперь он разбит вдребезги. Ха! Кто-то что-то похитил. В пыли валялся кусок картона, но его стащили, пока я общался со старым Проблемсом. Я бы долларов сто отдал, лишь бы узнать, что там было написано.

– Но зачем, капитан? – осведомился капрал Моркоу.

– Затем, что мерзавец Проблемс не хочет, чтобы мне это стало известно.

– А я знаю, что пробило в стене дыру, – сказала вдруг Ангва.

– Что?

– Взорвавшийся дракон.

Некоторое время они шагали в ошеломленном молчании.

– Вполне возможно, сэр, – согласился Моркоу. – Эти дьяволята бумкают даже от падения шлема.

– Значит, дракон, – пробормотал Ваймс. – А с чего ты решила, что это был именно дракон, младший констебль Ангва?

Ангва замаялась. Ответ «мне рассказала собачка» вряд ли положительно отразится на служебной карьере, рассудила она.

– Возможно, женская интуиция? – произнесла Ангва.

– *Возможно*, – скептически произнес Ваймс, – ты даже рискнешь интуитивно угадать, что именно было украдено?

Ангва пожала плечами. Моркоу обратил внимание, как интересно двигается ее грудь.

– Наверное, нечто такое, что убийцы хранили и на что ре-

гулярно любовались? – предположила она.

– Так я и думал, – проворчал Ваймс. – Полагаю, теперь ты скажешь, что эта псина – свидетель...

– Гав?

Эдвард д'Муэрто задернул шторы, запер дверь на засов и прислонился к ней спиной. Это было так несложно!

Подойдя к столу, он положил на него тонкий сверток длинной около четырех футов.

Затем осторожно развернул его, и вот... оно... Нечто особенное.

«Нечто» было очень похоже на тот рисунок. Как это типично для человеческой природы: целая страница дотошных подробнейших чертежей арбалетов, и рядом – вот *это*, фактически на полях, будто что-то малозначительное.

Оно выглядело таким простым! Казалось бы, зачем это прятать? Вероятно, потому, что оно пугало. Люди всегда боятся настоящей мощи. Она заставляет их нервничать.

Эдвард поднял предмет и, немного покачав, обнаружил, что он очень удобно ложится в руки и идеально прилегает к плечу.

– *Моя ж ты прелесть!*

В тот самый момент Эдвард д'Муэрто, можно сказать, исчез. Что-то еще существовало некоторое время, но то, чем оно являлось и как оно думало, уже не имело ничего общего с человеческим.

На следующий день в полдень сержант Колон повел новобранцев на стрельбище, что на Лучном Вале.

А Ваймс тем временем отправился патрулировать город вместе с Моркоу.

Он чувствовал внутри себя бурление. Что-то щекотало кончики его изъеденных ржой, но еще активных инстинктов, пытаясь привлечь внимание. Поэтому сидеть на месте было нельзя. Капрал Моркоу едва поспевал за своим начальником.

Во дворе Гильдии убийцы-стажеры до сих пор убирали обломки.

– Убийцы при свете дня, – пробурчал Ваймс. – Удивительно, что они не превратились в пыль.

– В пыль превращаются вампиры, сэр, – подсказал Моркоу.

– Ха! Ты прав. До чего докатился Анк-Морпорк – всюду наемные убийцы, лицензированное ворье и кровососы! Знаешь, парень, а ведь когда-то он считался Великим Древним Городом...

Совершенно бессознательно они стали... следовать в ногу.

– Это когда у нас были короли, сэр?

– Короли... Короли? Черт возьми, нет!

Двое убийц удивленно оглянулись.

– Я тебе так скажу, – продолжил Ваймс, – Монарх – это

кто? Абсолютный властитель, правильно? Главный, так сказать, босс...

– Если только он не королева, – заметил Моркоу.

Ваймс пристально посмотрел на капрала, затем кивнул.

– Ладно. Если королева, то главная боссисса...

– Нет, это годится только в том случае, если она молодая женщина. Думаю, королевы должны быть старше. Может... боссинья? Нет, это скорее для совсем юных принцесс. Хм... Ну, тогда, наверное, боссиха...

Ваймс остановился. «В этом городе определенно что-то витает в воздухе», – подумал он. Если бы Создатель сказал: «Да будет свет в Анк-Морпорке!» – то он не смог бы ничего сделать, поскольку все жители немедленно принялись бы спорить, какого цвета должен быть этот свет.

– Ладно, остановимся на определении «верховная власть», – сказал он и зашагал дальше.

– Хорошо, сэр!

– Но это же неправильно, согласен? Когда один человек распоряжается жизнью и смертью всех подданных.

– Ну, если он хороший человек... – начал было Моркоу.

– Что?.. *Что?* Ну ладно... Ладно! Допустим, он хороший человек. Но его заместитель – он тоже хороший? Очень хочется в это верить. Потому что он *тоже* будет верховным правителем – «именем короля» и все такое. И весь остальной королевский двор... должен состоять из хороших людей. Потому что если хотя бы один из них окажется нехорошим,

то немедленно расцветет коррупция и кумовство!

– Патриций – верховный правитель, – заметил Моркоу, кивнув проходившему мимо троллю. – Добрый день, господин Карбункул!

– Но он хотя бы не носит корону, не сидит на троне и не твердит по любому поводу, что правит по *праву*, – ответил Ваймс. – Терпеть не могу эту сволочь. Но, следует отдать должное, патриций – честный, как штопор.

– И все же хороший человек в роли короля...

– Ну хороший. И что дальше? Королевская власть сводит с ума, юноша. Честные люди начинают кланяться и приседать перед тем, чей дедушка был бóльшим ублюдком-убийцей, чем их собственный. Слушай, я охотно верю, что когда-то у нас были хорошие короли, но! Короли порождают других королев. Кровь берет свое, и не успеешь оглянуться, как наверху оказывается кучка высокомерных ублюдков-убийц! Они начинают рубить головы королевам и драться с собственными кузенами каждые пять минут! Были у нас времена, когда такое продолжалось столетиями! И вот как-то раз один человек крикнул: «Довольно с нас королев!» – и мы восстали, и победили проклятую знать, и стащили короля с его трона, и приволокли на Саторскую площадь, и отрубили там его проклятую голову! Так-то!

– Ух ты! – произнес Моркоу. – А кто это был?

– В смысле?

– Ну, кто первый крикнул: «Довольно с нас королев?»

Ваймс заметил, что вокруг стали останавливаться люди и смотреть на него во все глаза. Его красное от гнева лицо стало красным от смущения. Впрочем, разница в оттенках была почти незаметной.

– Э-э... он был командиром Городской Стражи, – пробормотал он. – Его звали Старина Камнелиц.

– Никогда о таком не слышал, – признался Моркоу.

– Ну, о нем мало писали в исторических хрониках, – ответил Ваймс. – Бывают такие гражданские войны, после которых хочется делать вид, будто ничего особенного не случилось. Бывает, что человек совершит какой-нибудь важный для всех поступок, и о нем тут же забывают – ради его же блага. Видишь ли, именно он взялся за топор. Никто больше не осмелился. В конце концов, это королевская шея. А короли, – выплюнул Вайс, – они же особенные. Даже после того как все увидели... личные королевские покои и очистили их... немножко... Даже после этого никто не решался очистить мир. И тогда Камнелиц взял топор, послал всех к черту и сделал всё сам.

– А какой это был король? – не унимался Моркоу.

– Лоренцо Добрый, – сухо ответил Ваймс.

– Я видел его портрет в дворцовом музее, – кивнул Моркоу. – Толстый такой старичок. В окружении множества детей.

– О да, – опасливо ответил Ваймс, – детей он очень любил...

Моркоу помахал двум прохожим гномам.

– Даже предположить такого не мог... – признался он. – Я думал, случился жестокий мятеж или что-то в этом духе.

Ваймс пожал плечами.

– Всё есть в летописях. Просто надо знать, где смотреть.

– Значит, таков был конец королей Анк-Морпорка...

– Ну, кажется, в живых остался один сын. И еще несколько обезумевших родственников. Их всех изгнали. Считается, что для членов королевской семьи это ужасная кара. Хотя я не совсем понимаю, почему.

– А я, кажется, понимаю. Ведь *вы* тоже любите свой город, сэр.

– Само собой. Но если бы передо мной встал выбор: принять изгнание или потерять голову, то я бы немедленно начал собирать чемодан. Нет, это очень хорошо, что мы избавились от королей, но... когда-то этот город *работал*...

– И работает до сих пор, – заметил Моркоу.

Поглощенные беседой, они миновали Гильдию Убийц и поравнялись с высокими неприступными стенами Гильдии Шутов, занимавшей другую часть квартала.

– Нет, все просто идет своим чередом. Глянь, например, туда.

Моркоу послушно поднял глаза.

На пересечении Брод-авеню и улицы Алхимиков возвышался знакомый дом – с богато украшенным, но заляпанным грязью фасадом, который оккупировали горгульи.

Проржавевший девиз над портиком гласил: «НИ ДОЖДИ НИ ЛОДА НИ МАК НОЧИ НЕ ПОМЕШАТ ОНЦАМ В ИСПОЛНЕНИИ ИХ ДОЛГА». Возможно, так и было в более хорошие времена, но недавно кто-то счел необходимым прибить гвоздями продолжение, которое гласило:

НИ СПРАШЫВАЙТЕ ПРО:

– *камни*

– *тролев с палками*

– *Всяких там драконов*

– *Госпожу Торт*

– *Большых зеленых зубастых тварей*

– *черных собак с оранжевыми бровями*

– *Дождь из спаниелев*

– *туман*

– *Госпожу Торт*

– О! – произнес Моркоу. – Это же Королевская почта!

– Почтамт, – поправил Ваймс. – Мой дед рассказывал, что когда-то отсюда можно было отправить письмо, и его обязательно доставляли в течение месяца. Тогда не приходилось вручать его первому попавшемуся гному и надеяться, что мелкий пакостник не сожрет его прежде, чем...

Голос Ваймса затих сам собою.

– Ой, прости. Я не хотел тебя обидеть.

– А я и не обиделся! – весело ответил Моркоу.

– Дело не в том, будто я имею что-то против гномов. Но я

всегда считал, что надо сильно постараться, чтобы выбрать лучших среди высоко-квалифицированных, законопослушных, трудолюбивых...

– ...мелких пакостников?

– Да. В смысле, *нет!*

Они проследовали дальше.

– А эта госпожа Торт, – вновь заговорил Моркоу, – наверное, очень оригинальная женщина, да?

– Не то слово, – ответил Ваймс.

Что-то хрустнуло под огромной сандалией Моркоу.

– Еще одно стеклышко, – произнес он. – Далеко, однако, отлетело.

– «Взорвавшийся дракон», ха! До чего же богатое у девушки воображение.

– Гав-гав! – раздался голос позади.

– Этот чертов пес преследует нас всю дорогу, – проворчал Ваймс.

– Он заметил что-то на стене и лает, – сказал Моркоу.

Гаспод смерил их холодным взглядом.

– Гав-гав, черт подери, тяф-тяф, – произнес он. – Вы, вуф, совсем, что ли, слепые?

Гаспод был прав: нормальные люди не могут слышать его речь, поскольку знают, что собаки *не* разговаривают. Этот факт известен всем. Он хорошо известен на органическом уровне, как многие другие известные факты, перевешивающие доводы органов чувств. Это вызвано тем, что если бы

люди постоянно замечали все, что происходит вокруг, то они перестали бы справляться со своими обязанностями⁷. Кроме того, почти все собаки на самом деле не разговаривают. А те немногие, что умеют это делать, являются всего лишь статистической ошибкой, которой можно пренебречь.

Однако Господ обнаружил, что его часто слышат на подсознательном уровне. Не далее как вчера вечером кто-то по рассеянности столкнул его в сточную канаву пинком сапога, и не успел этот некто сделать пары шагов, как вдруг в голову его пришла мысль: «Что же я делаю, сволочь эдакая?»

– Там что-то есть, – сказал Моркоу. – Смотрите! Что-то синее... свисает с той горгульи.

– Гав-гав-гав! А где *спасибо*?

Ваймс взобрался на плечи Моркоу и зашарил рукой по стене, но маленькая синяя ленточка по-прежнему оставалась вне досягаемости.

Горгулья скосила в его сторону каменный глаз.

– Ты не против? – осведомился Ваймс. – На твоём ухе что-то висит...

С каменным скрежетом горгулья подняла руку и отцепила привязчивый предмет.

– Благодарю.

– Не 'а 'то.

Ваймс проворно спустился вниз.

– Вам ведь нравятся горгульи, да, капитан? – спросил

⁷ Таков еще один механизм выживания в нашем мире.

Моркоу, когда они зашагали прочь.

– Ага. Хоть они и дальние родственники троллей, но держатся всегда особняком, редко спускаются ниже второго этажа и если совершают преступления, то о них никто ничего не узнаёт. В общем, такие существа мне по душе.

Он развернул полоску.

Это был ошейник или, скорее, то, что от него осталось – обожженный с обеих сторон. Сквозь слой сажи едва читалось слово «Пухлик».

– Вот скоты! – выругался Ваймс. – Они *в самом* деле взорвали дракона!

Настало время представить самого опасного человека в Плоском мире.

За всю жизнь он ни разу не причинил вреда ни одному живому существу. Он расчленил нескольких из них, но только после того, как они умерли ⁸, заодно восхитившись тем, как ловко их собрали – учитывая, что делал это явно неквалифицированный специалист. Уже несколько лет этот человек не выходил за пределы большой, просторной комнаты, что для него было совершенно нормальным, поскольку почти все время он проводил внутри собственной головы. Бывает сорт людей, для которых даже тюрьма не может послу-

⁸ Считая себя свободомыслящим ученым (по крайней мере, в первом приближении), он не верил, что человеческие существа могли быть созданы неким божеством. С другой стороны, препарирование пока еще живых людей является прерогативой священников, поскольку они убеждены, что человечество создано неким божеством, и не прочь взглянуть на дело рук Его.

жить наказанием.

Тем не менее однажды он решил, что часовая ежедневная физическая нагрузка совершенно необходима для здорового аппетита и правильного опорожнения кишечника, поэтому теперь восседал на специальной машине собственного изобретения.

Машина состояла из седла, установленного над парой педалей, которые вращали с помощью цепи большое деревянное колесо, приподнятое над полом металлической подпоркой. Другое свободное вертевшееся деревянное колесо располагалось перед седлом и могло поворачиваться влево и вправо с помощью румпеля. Дополнительное колесо и румпель нужны были для того, чтобы подкатывать спортивный снаряд к стене после окончания занятий. А еще они придавали конструкции приятную симметричность.

Он назвал свое устройство «машиной-для-вращения-колеса-с-педалями-и-дополнительным-колесом».

Лорд Витинари тоже работал.

Обычно он занимался этим в Продолговатом Кабинете или усевшись в простое деревянное кресло у подножия главной лестницы Анк-Морпоркского дворца. Наверху лестницы стоял трон – в настоящее время покрытый пылью. Это был королевский трон Анк-Морпорка, и он на самом деле был сделан из чистого золота. Лорду Витинари даже в голову не приходило пытаться на него сесть.

Поскольку день выдался прекрасный, Витинари решил поработать в саду.

Гости Анк-Морпорка часто с удивлением обнаруживают, что ко дворцу патриция примыкают несколько интереснейших парков.

Сам патриций был не из тех, кого интересуют сады и парки. Но некоторые его предшественники это дело очень любили, и лорд Витинари не стал ничего менять, поскольку никогда ничего не менял и не уничтожал, если для этого не находилось логической причины. Кроме садов патриций содержал маленький зоопарк и конюшню со скаковыми лошадьми, и даже признавал, что парки представляют чрезвычайную историческую ценность, тем более что это очевидно и так.

Поскольку их заложил сам Чертов Тупица Джонсон.

Многие великие садоводы-ландшафтники запомнились людям и навсегда вошли в историю благодаря своим садам и паркам, созданным с почти божественной мощью и прозорливостью. Они без тени сомнений выкапывали озера, сдвигали холмы и засаживали новые леса, дабы будущие поколения могли в полной мере насладиться красотой дикой Природы, трансформированной Человеком. Таковы были Одаренный Браун, Прозорливый Смит, Интуитивный Де Вир Слейд-Гор...

А вот Анк-Морпорку достался Чертов Тупица Джонсон.

Чертов Тупица «сейчас-выглядит-немного-помойно-но-

взгляните-через-пятьсот-лет» Джонсон. Чертов Тупица «когда-я-рисовал-эти-планы-они-были-точными» Джонсон. Чертов Тупица Джонсон, наваливший две тысячи тонн земли прямо перед окнами Щеботанского замка только потому, что «я-сойду-с-ума-если-придется-весь-день-смотреть-на-деревья-и-горы-а-как-насчет-вас?».

Территория Анк-Морпоркского дворца считалась вершиной его карьеры, если это вообще можно было назвать таким словом. Например, здесь имелся декоративный форелевый пруд длиной в сто пятьдесят ярдов, но – из-за одной из тех пустяковых ошибок в обозначениях, которые стали отличительной чертой проектов Чертового Тупицы – шириной всего в один дюйм. Пруд стал домом только для одной форели – вполне комфортным при условии, если рыба не пыталась в нем развернуться. Некогда пруд украшал великолепный декоративный фонтан, который при первом включении пять минут зловеще стонал, а потом выстрелил на тысячу футов вверх маленьким каменным херувимчиком.

Кроме того, здесь имелось «хохо». Это как «хаха», только глубже. Как известно, «хаха» представляет собой незаметный ровчик со стеночкой, устраиваемый для того, чтобы землевладелец мог наслаждаться холмистым пейзажем без риска увидеть на своей лужайке случайно забредшую корову или безобразного бродягу. Согласно указаниям, сделанным неутомимым карандашом Чертового Тупицы, канаву вырыли глубиной в пятьдесят футов, и к сегодняшнему дню она

забрала уже трех садовников.

А парковый лабиринт вышел настолько махоньким, что можно было легко заблудиться в попытках *его* отыскать.

Патриций любил придворцовые парки, но по своеобразной причине: у него сложилось определенное мнение об умственных способностях большинства людей, и данные парки полностью его подтверждали.

На лужайке вокруг кресла были разложены стопки бумаг. Писари периодически обновляли их или уносили прочь. Причем это были разные писари. Информация всех сортов и видов стекалась во дворец, но собиралась в одном-единственном месте – подобно нитям паутины, сходящимся к центру.

Великое множество правителей – хороших, плохих, а чаще всего мертвых, – знали о том, что *произошло*. Лишь некоторым из них с огромными усилиями удавалось узнать, что *происходит*. По мнению лорда Витинари, и тем и другим недоставало амбициозности.

– Да, доктор Проблемс? – спросил он, не поднимая головы.

«Как, *черт возьми*, у него это получается? – уже не в первый раз задумался Проблемс. – Я же знаю, что двигался совершенно бесшумно...»

– Э-э... Хэвлок... – начал он.

– Ты хочешь мне что-то сообщить, доктор?

– Оно... исчезло.

– Да. Но я нисколько не сомневаюсь, что вы его прилежно ищете. Очень хорошо. Желаю удачи.

Патриций даже не шевельнул головой. Он даже не поинтересовался, о чем, собственно, речь. «Он чертовски хорошо осведомлен, – подумал Проблемс. – Как так выходит, что он решительно обо всем знает заранее?»

Лорд Витинари положил лист бумаги на одну из стопок и взял в руки другой.

– Ты еще здесь, доктор...

– Могу заверить вас, милорд, я...

– Уверен, что можешь. Нисколько в этом не сомневаюсь. Однако остался вопрос, который меня весьма интригует.

– Милорд?

– Почему оно находилось в вашей Гильдии до того, как его украли? В то время как меня информировали, что оно уничтожено. Я хорошо помню, как отдавал приказ.

Именно этот вопрос больше всего боялся услышать убийца. Патриций был действительно великолепным игроком.

– Э-э... Мы... то есть мой *предшественник* считал, что оно должно служить предупреждением и примером...

Патриций поднял голову и лучезарно улыбнулся.

– Великолепно! – сказал он. – Я всегда *свято* верил в великую силу примеров. Уверен, что ты сможешь решить возникшую проблему с самыми минимальными неудобствами для всех нас.

– Конечно, милорд, – мрачно ответил убийца, – но...

Наступил полдень.

Наступление полдня заняло некоторое время, поскольку двенадцать часов дня в Анк-Морпорке устанавливалось через достижение всеобщего консенсуса. Как правило, первым начинал бить колокол в Гильдии Учителей – откликаясь на всеобщую молитву ее членов. Затем срабатывали водяные часы Храма Мелких Богов, приводя в действие механизм, бьющий по огромному бронзовому гонгу. После этого раздавался одинокий печальный бой черного колокола Храма Судьбы, но к тому времени в Гильдии Шутов уже всюду бренчал серебряный карильон с педальным приводом. Помимо них уже звенело множество гонгов, колоколов и колокольчиков всех прочих храмов и Гильдий, и их трудно было отличить друг от друга, пока в дело не вступал безъязыкий магический октироновый колокол Старый Том на часовой башне Незримого Университета, двенадцать размеренных молчаний которого временно заглушали все прочие звуки.

Наконец, на несколько ударов позже всех раздавался звон колокола Гильдии Убийц, который всегда звучал последним.

Стоявшие рядом с патрицием солнечные часы дважды звякнули и упали.

– Ты что-то сказал? – мягко осведомился патриций.

– Капитан Ваймс... – пробормотал доктор Проблемс, – он проявляет интерес...

– Боже мой! Но ведь это его работа.

– Неужто? Я вынужден требовать, чтобы вы его отозвали!

Слова эхом разнеслись по всему саду. Несколько голубей сорвались с места и улетели прочь.

– Требовать? – ласково переспросил патриций.

Попятившись, доктор Проблемс отчаянно затараторил:

– В конце концов, он всего лишь служака! Не вижу причин позволять ему вмешиваться в дела, которые его не касаются!

– Полагаю, этот служака считает себя слугой закона, – заметил патриций.

– Он чинуша и наглый выскочка!

– Боже мой, я недооценил силу твоего разочарования. Но раз уж ты «требуешь», я немедленно приведу его к повинновению.

– Благодарю вас.

– Не стоит благодарностей. Не смею более задерживать.

И доктор Проблемс побрел туда, куда небрежным жестом указал ему следовать патриций.

Лорд Витинари вновь склонился над бумагами и даже не поднял головы, когда в некотором отдалении раздался приглушенный вопль. Вместо этого он протянул руку к маленькому серебряному колокольчику и позвонил.

Писарь появился немедленно.

– Сходи за лестницей, Барабонт, – велел ему патриций. – Кажется, доктор Проблемс свалился в «хохо».

Задвижка отодвинулась, и задняя дверь мастерской гнома Рьода Крюкомолота со скрипом отворилась. Выглянув по-

смотреть, есть ли там кто-нибудь, Рьод вздрогнул от холода.

Затем притворил дверь.

– Всего лишь сквознячок, – объяснил он тому, кто находился с ним в комнате. – Что ж, приступим.

Потолки в мастерской были низкие – не выше пяти футов. Но для гнома этого было более чем достаточно.

«О», – произнес голос, которого никто не слышал.

Крюкомолот осмотрел зажатый в тисках предмет и взял отвертку.

«О!»

– Чудесно! – произнес Рьод. – Думаю, если дернуть эту трубку вдоль ствола, то эти... э-э... шесть камер переместятся и следующая окажется возле... э-э... стреляльного отверстия. Вроде просто. Пусковой механизм – всего лишь элементарное устройство для трутницы. Пружина... вот *здесь*... проржавела насквозь. Но я легко ее заменю. Знаете, – сказал он, подняв голову, – это очень интересный прибор. Учитывая химикалии в маленьких контейнерах и все такое. Очень простая идея. Это что, клоуны придумали? Что-то вроде автоматической хлопушки?

Порывшись в ящике с металлическими обрезками, он вытащил оттуда подходящий кусок стали, затем выбрал напильник.

– Пожалуй, сделаю потом с него несколько эскизов, – сказал он.

Примерно через тридцать секунд раздался хлопок, и в

воздух взвилось облачко дыма.

Рьод Крюкомолот поднялся с пола и покачал головой.

– Вот это мне свезло! – воскликнул он. – Еще немного и произошел бы ужасный несчастный случай.

Попытавшись развеять дым рукой, он вновь потянулся к напильнику.

Рука прошла сквозь инструмент.

– КХМ...

Рьод попробовал еще раз.

Напильник стал бесплотным, как дым.

– КХМ...

Владелец странного устройства с ужасом смотрел на что-то, лежавшее на полу. Рьод проследил за его взглядом.

– Ой! – вырвалось у него.

Понимание случившегося, маячившее где-то на краю сознания, наконец накрыло Рьода. Со Смертью всегда так. Когда он (а в Плоском мире – это именно Он) приходит к тебе, ты узнаешь о нем одним из первых.

Гость схватил устройство с верстака и торопливо засунул в холщовый мешок. Затем дико огляделся, схватил труп господина Крюкомолота, вытащил через заднюю дверь и поволол по направлению к реке.

Послышался далекий всплеск или нечто максимально похожее на всплеск, учитывая особенности реки Анк.

– О боже, – пробормотал Рьод. – Я же не умею плавать...

– НЕ ДУМАЮ, ЧТО ЭТО СТАНЕТ ПРОБЛЕМОЙ, –

успокоил его Смерть.

Рьод посмотрел на него.

– Ты гораздо ниже ростом, чем я предполагал, – сказал он.

– ЭТО ОТТОГО ЧТО Я ОПУСТИЛСЯ НА КОЛЕНИ,
ГОСПОДИН КРЮКОМОЛОТ.

– Эта проклятая штука *убила* меня!

– ДА.

– Знаешь, со мной такое в первый раз.

– ВСЕ КОГДА-НИБУДЬ СЛУЧАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ. УВЕ-
РЕН, ТЫ ПРИВЫКНЕШЬ.

Смерть встал, громко хрустнув коленными суставами. Наконец-то можно выпрямиться без риска удариться головой о потолок. Потому что потолка больше не было. Комната мягко растворялась в воздухе.

Не все знают, что у гномов имеются свои боги. От природы гномы не слишком религиозны, но когда проводишь много времени в мире, где в любой момент может треснуть крепеж в шахте или внезапно взорваться природный газ, то невольно появляется потребность в богах, как в своего рода сверхъестественном эквиваленте каски. Кроме того, когда попадаешь по пальцу восьмифунтовым молотом, так приятно иметь возможность побогохульствовать! Согласитесь, надо быть особенно убежденным и непоколебимым атеистом, чтобы прыгать с зажатой под мышкой рукой и орать: «О-о, случайные флуктуации в пространственно-временном континууме!» или «Эх, примитивная и хромая устаревшая кон-

струкция!».

Рьод не стал тратить время на расспросы. Есть дела, которые становятся неотложными, когда умираешь.

– Я верю в реинкарнацию, – произнес он.

– ЗНАЮ.

– Я старался жить честно. Это поможет?

– ЗАВИСИТ НЕ ОТ МЕНЯ. – Смерть откашлялся. – НО, КОНЕЧНО... ЕСЛИ ТЫ ВЕРИШЬ В РЕИНКАРНАЦИЮ... ТЫ КАК БЫ РЬОДИШЬСЯ ЗАНОВО.

Смерть подождал.

– Ага. Понятно, – уныло ответил Рьод.

Гномы знамениты своим чувством юмора – в том смысле, что люди указывают на них и говорят: «Эти дьяволята абсолютно *не* понимают шуток!»

– ХМ... НЕУЖЕЛИ В ТОМ, ЧТО Я СКАЗАЛ, ТЫ НЕ УЛОВИЛ НИЧЕГО СМЕШНОГО?

– Э-э... Вроде нет...

– ЭТО БЫЛ КАЛАМБУР. ИГРА СЛОВ.

«РЬОДИШЬСЯ ЗАНОВО» И ВСЕ ТАКОЕ.

– Да?

– НЕУЖЕЛИ ТЫ НЕ ЗАМЕТИЛ?

– Не думаю.

– ХМ...

– Извини.

– МНЕ СОВЕТОВАЛИ СТАРАТЬСЯ НЕМНОГО ОЖИВЛЯТЬ МОЮ РАБОТУ.

– Фразами вроде «рьодишься заново»?

– ДА.

– Я подумаю об этом.

– СПАСИБО.

– Итак, – произнес сержант Колон, – это, ребята, ваша палка, она же «ночная дубинка», или «жезл власти». – Сделав паузу, он освежил в памяти свое армейское прошлое и немедленно просветлел лицом. – Отныне вы *обязаны беречь* ее как зеницу ока! – вдруг заорал он. – Вы будете спать с ней, вы будете есть с ней, вы...

– Прошу прощения...

– Кто это сказал?

– Я здесь, сэр. Младший констебль Дуббинс.

– Слушаю, салага.

– А как есть дубинкой, сержант?

Армейская суровость сержанта Колона слегка подсдулась. К младшему констеблю Дуббинсу он всегда относился с опаской, поскольку подозревал в нем тайного смутьяна.

– Что?

– Ну, мы должны будем орудовать ею как ножом с вилкой или просто разрежем пополам, чтобы превратить в палочки для еды, сэр?

– Что ты такое несешь?

– Можно вопрос, сержант?

– В чем дело, младший констебль Ангва?

– А как именно мы будем спать с нею, сэр?

– Ну... я всего лишь имел в виду... Прекратить хихикать, капрал Шноббс!

Колон нервно поправил нагрудник и решил сменить тему.

– Итак, здесь у нас имеется ростовая кукла, она же болван, она же остолоп, – Колон указал на насаженную на кол кожаную фигуру, набитую соломой, чьи очертания приблизительно напоминали человеческие. – Мы зовем ее Артуром и используем для отработки ударов. Младший констебль Ангава, шаг вперед! Скажи мне, младший констебль, ты могла бы убить человека?

– А сколько у меня будет времени?

В занятиях произошла небольшая заминка. В этот раз хочущего капрала Шноббса пришлось поднимать с пола и долго хлопать по спине, пока он не успокоился.

– Так, ладно, – продолжил сержант Колон. – Теперь слушать сюда: по команде «делай раз!» ты берешь дубинку вот так и быстро следуешь к Артуру. Затем, по команде «делай два!» резко лупишь Артура в область головы. Делай раз!.. делай два!..

Дубинка отскочила от шлема Артура.

– Очень хорошо, но не совсем. Кто скажет, какая допущена ошибка?

Новобранцы недоуменно покачали головами.

– *Сзади*, – пояснил сержант Колон. – Бить нужно *сзади*. Чего ради рисковать, верно? Теперь твоя очередь, младший

констебль Дуббинс.

– Но серж...

– Бегом!

Стражники принялись молча смотреть.

– Может, подставим для него стульчик, – предложила Ангва спустя пятнадцать секунд наблюдений за мучениями Дуббинса.

Детрит хихикнул.

– Ета, он слишком *мелкий*, чтобы служить в Страже, – произнес тролль.

Младший констебль Дуббинс прекратил подпрыгивать.

– Простите, сержант, – сказал он, – но гномы так не поступают...

– А *стражники* поступают именно так, – отрезал сержант Колон. – Что ж, младший констебль Детрит – *не отдавать честь!* – теперь попробуй ты.

Детрит зажал дубинку между тем, что с некоторой натяжкой можно было назвать большим и указательным пальцем, и ударил ею по шлему Артура. Затем недоуменно уставился на обломок, оставшийся от дубинки. После этого он сжал свою, условно говоря, руку в нечто похожее на кулак и, треснув Артура по тому, что не так давно было головой, загнал кол на три фута в землю.

– Во, теперь и гному будет удобней, – заметил он.

Секунд на пять воцарилась смущенная тишина. Сержант Колон откашлялся.

– Что ж, наверное, можно засчитать это как жесткое задержание, – произнес он. – Отметь там, капрал Шноббс: удерживать из жалованья младшего констебля Детрита – *не отдавать честь!* – один доллар за порчу казенной дубинки. Но вообще-то после задержания подозреваемого обычно допрашивают...

Сержант Колон задумчиво посмотрел на останки Артура.

– Думаю, самое время приступить к изучению тонкостей стрельбы из лука, – наконец объявил он.

Госпожа Сибилла Овнец посмотрела на плачевную полоску кожи – все, что осталось от покойного Пухлика.

– Кто же мог сотворить такое с бедным маленьким дракончиком? – горько спросила она.

– Мы пытаемся это выяснить, – ответил Ваймс. – Мы думаем... нам кажется, что его привязали к стене и взорвали.

Моркоу перегнулся через стеночку загона.

– Гули-гули-гули, – позвал он.

Дружелюбное пламя опалило ему брови.

– Он был таким ручным и ласковым, – горевала госпожа Овнец. – За всю жизнь малыш и мухи не обидел. Бедняжка...

– Как можно заставить дракона взорваться? – осведомился Ваймс. – Он может сдетонировать от пинка?

– Разумеется, – ответила Сибилла, – если нога вам не дорога.

– Значит, такой вариант отмечаем... А как это сделать иначе? Чтобы не пострадать?

– В этом нет смысла. Гораздо проще заставить его взорваться самому. Правда, Сэм, я не очень люблю говорить об этом...

– Я должен знать.

– Что ж... сейчас такое время года, когда самцы обычно дерутся. Они раздуваются, пытаются казаться больше, понимаешь? Вот почему я всегда держу их порознь.

Ваймс отрицательно покачал головой.

– Там был только один дракон, – сказал он.

Позади них Моркоу наклонился над следующим загонем, в котором сидел грушевидный дракон-самец. Животное открыло один глаз и вперилось в капрала взглядом.

– А-кто-у-нас-тут-такой-холёсенький? – засюсюкал Моркоу. – Кажется, у меня заваялся где-то кусочек угля...

Дракон раскрыл второй глаз и моргнул, полностью проснувшись. Затем встал на дыбы. Его уши прижались к голове, ноздри раздулись, крылья развернулись вширь. Он глубоко вдохнул. Из живота донеслось бурление кислот, когда стали открываться внутренние затворы и клапаны. Лапы дракона оторвались от земли, грудная клетка раздулась...

Ваймс толкнул Моркоу, и они вместе повалились на землю.

Сидевший в загоне дракончик удивленно моргнул. Враг исчез таинственным образом. Испугался!

Дракон пыхнул пламенной отрыжкой и, успокоившись, затих.

Ваймс убрал руки с головы и перекатился на другой бок.

– Зачем вы это сделали, капитан? – недовольно спросил Моркоу. – Я вовсе не...

– Он увидел соперника! – перебил Ваймс. – Увидел и собрался атаковать.

Ваймс привстал на колени и похлопал Моркоу по нагруднику.

– Ты слишком хорошо его полируешь! – сказал он. – Дракон разглядел себя в отражении. Как в зеркале.

– О да, разумеется. Так бывает, – согласилась госпожа Сибилла. – Все знают, что драконов нужно держать подальше от зеркал...

– Зеркала! – воскликнул Моркоу. – Эй, там же были осколки...

– Именно. Злодей показал Пухлику зеркало, – подтвердил Ваймс.

– Бедняга. Должно быть, попытался сделаться больше себя самого, – посетовал Моркоу.

– Итак, – констатировал Ваймс, – мы имеем дело с крайне извращенным умом.

– О нет! Вы так думаете?

– Да.

– Но... Да нет, быть такого не может! Все это время Шнобби находился у нас на глазах...

– Я говорю не о Шнобби, – раздраженно перебил Ваймс. – Даже если бы он решил развлечься с драконом, то я сомневаюсь, что он заставил бы его взорваться. В этом мире, парень, попадаются гораздо более странные люди, чем капрал Шноббс.

Недоверие на лице Моркоу сменилось ужасом.

– О боже! – прошептал он.

Сержант Колон внимательно осмотрел мишени. Затем снял шлем и вытер пот со лба.

– Думаю, младшему констеблю Ангве больше не стоит пытаться стрелять из длинного лука, пока мы не придумаем, как справиться с тем... что ей мешает.

– Простите, сержант.

Они дружно повернулись к Детриту, застывшему с самым застенчивым видом над грудой сломанных луков. Дружба с арбалетами у него не сложилась сразу, поскольку в массивных руках тролля арбалеты казались меньше заколки для волос. Теоретически длинный лук мог стать чудовищно смертельным оружием в руках Детрита – если бы только он овладел искусством отпускать тетиву вовремя.

Детрит пожал плечами и потупился.

– Извиняюсь, господин, – сказал он. – Луки не шибко подходят для троллей.

– Ха! – саркастически воскликнул Колон. – А что касается тебя, младший констебль Дуббинс...

– Просто никак не получается прицелиться, сержант.

– Я думал, гномы славятся своими боевыми навыками!

– Да, но... это другого рода навыки, – ответил Дуббинс.

– Нападать из засады, например... – прошептал Детрит.

Поскольку он был троллем, шепот отразился эхом даже от самых отдаленных зданий. Борода Дуббинса мгновенно встала на дыбы.

– Ах ты, злокозненный тролль! Уж я тебя сейчас...

– Достаточно! – быстро произнес сержант Колон. – Думаю, тренировки на этом можно завершить. Остальному научитесь... вроде как по ходу службы, ладно?

Колон вздохнул. Он никогда не отличался жесткостью, но всю жизнь служил то в солдатах, то в стражниках, и теперь был несколько разочарован. Иначе он бы не сказал того, что произнес мгновение спустя:

– Не знаю... Честно, не знаю. Собачитесь между собой, ломаете казенное оружие... Я хочу сказать, кого мы пытаемся обмануть? Сейчас почти полдень. Сделаем перерыв на несколько часов, и вечером соберемся снова... Если вы посчитаете, что оно того стоит...

Раздался резкий *треньк!* Арбалет Дуббинса случайно выстрелил у него в руках. Свистнув возле уха капрала Шноббса, стрела улетела в реку и застряла в воде.

– Простите, – произнес Дуббинс.

Сержант Колон поцыкал.

Это было хуже всего. Лучше бы он обозвал гнома ка-

ким-нибудь плохим словом. Лучше бы дал понять, что Дуббинс заслуживает *хотя бы* оскорбления.

Ни слова не говоря, сержант Колон развернулся и пошел в сторону Псевдополис-Ярда.

До новобранцев донеслось его невнятное бормотание.

– О чем ета он говорит? – осведомился Детрит.

– О прекрасном *мужском* органе, – ответила Ангва и густо покраснела.

Дуббинс сплюнул на землю, что не заняло много времени из-за ее близости. Затем сунул руку за пазуху и, будто фокусник, извлекающий здорового кролика из маленькой шляпы, вытащил оттуда двусторонний боевой топор. А потом побежал.

К тому времени когда он достиг девственно чистой, нетронутой стрелами мишени, он разогнался так, что превратился в размытое пятно. Раздался страшный грохот, и болван для стрельбы взорвался, пыхнув в небо ядерным соломненным грибом.

Переглянувшись, Детрит с Ангвой подошли поближе, чтобы осмотреть результат. Куски мякины мягко опускались на землю.

– Обалдеть, – восхитилась Ангва. – Но сержант Колон говорил, что после задержания нужно задавать вопросы.

– Он не сказал, что задержанный должен быть в состоянии на них отвечать, – мрачно ответил Дуббинс.

– Из жалованья младшего констебля Дуббинса вычитает-

ся один доллар за мишень, – сказал Детрит, задолжавший уже одиннадцать долларов за луки.

– «Если оно того стоит»... – процитировал Дуббинс сержанта, бесследно пряча топор обратно за пазуху. – Видофоб проклятый!

– Мне кажется, он не такой, – возразила Ангва.

– Ха, легко тебе говорить! – выкрикнул Дуббинс.

– Почему?

– Потому что ты – *человек*, – пояснил Детрит.

Прежде чем ответить, Ангва немного подумала.

– Вообще-то я женщина, – сообщила она.

– Это одно и то же.

– Не совсем. Слушайте, пойдемте чего-нибудь выпьем...

Едва родившееся чувство «товарищества по несчастью» немедленно испарилось без следа.

– Чтобы я пил с троллем?

– Чтоб я пил с гномом?

– Так, ладно! – вмешалась Ангва. – А как насчет того, чтобы *ты* и *ты* пошел и выпил со *мной*?

Ангва сняла шлем и встряхнула волосами. У женщин-троллей не бывает волос, хотя у самых удачливых из них вырастает прекрасный лишайник. А женщина-гном скорее станет гордиться мягкостью и шелковистостью бороды, чем растительностью на скальпе. Но вид Ангвы, вероятно, был способен воспламенить маленькую искру древнего космического мужского начала в любом человекоподобном су-

ществе без исключений.

– У меня пока не было возможности как следует осмотреться, – сказала она, – но кажется, на Тусклой улице есть неплохое местечко...

На практике это означало, что они должны были пересечь реку, причем так, чтобы прохожим казалось, что двое из них не имеют ничего общего, по крайней мере с одним из двух других. А это, в свою очередь, проявлялось в том, что двое из трех с отчаянным безразличием поминутно озирались по сторонам.

А это привело к тому, что Дуббинс первым заметил в воде гнома.

Если это можно было назвать водой.

И если *это* еще можно было назвать гномом.

Стражники пригляделись.

– Эта, знаете, – сказал Детрит спустя некоторое время, – он похож на того гнома, который ремонтирует оружие на Заиндевелой улице.

– На Рьода Крюкомолота? – уточнил Дуббинс.

– Ага, на того самого.

– Немного похож, – согласился Дуббинс спокойным ровным голосом, – но не *совсем*.

– В каком смысле? – не поняла Ангва.

– В том, что у господина Крюкомолота не было такой огромной дыры в том месте, где должна быть грудь, – ответил Дуббинс.

«Он когда-нибудь спит вообще? – думал Ваймс. – Неужели этот дьявол никогда не опускает голову на подушку? Здесь есть где-нибудь личная комната с черным халатом, висящим на крючке на двери?»

Ваймс постучал в дверь Продолговатого Кабинета.

– А, капитан, – сказал патриций, оторвав взгляд от бумаг, – ты похвально расторопен.

– Неужели?

– Ты получил мое сообщение? – осведомился лорд Витинари.

– Нет, сэр. Я был... немного занят.

– В самом деле? И что же тебя... заняло?

– Кто-то убил господина Крюкомолота, сэр, большого человека в общине гномов. Его... застрелили из чего-то – осадного орудия или вроде того, а потом бросили в реку. Мы недавно его выловили. Я как раз шел, чтобы сообщить его жене. Он вроде бы жил на Паточной улице. А потом подумал, раз уж я иду мимо...

– Это весьма прискорбно.

– Уверен, господин Крюкомолот с вами бы согласился, – ответил Ваймс.

Патриций откинулся назад и внимательно осмотрел Ваймса.

– Скажи мне, – произнес он, – как он был убит?

– Пока не знаю. Никогда не видел ничего подобного. На

груди у него... огромная такая дыра. Но я намерен все тщательно расследовать.

– Хмм. Я говорил уже, что сегодня утром ко мне приходил доктор Проблемс?

– Нет, сэр.

– Он был весьма... встревожен.

– Да, сэр.

– Мне кажется, ты его расстроил.

– Сэр?

Патриций, судя по всему, пришел к какому-то решению. Его кресло с грохотом подалось вперед.

– Капитан Ваймс...

– Сэр?

– Я знаю, что послезавтра ты выходишь на пенсию, и поэтому немного... неутомим. Но пока ты капитан Ночной Стражи, я прошу тебя следовать двум конкретным правилам...

– Сэр?

– Ты прекратишь *любое* расследование, связанное с кражей из Гильдии Убийц. Ты меня понял? То, что случилось, это всецело внутренние дела Гильдии.

– Сэр...

Ваймс старательно сохранял невозмутимое выражение лица.

– Смею надеяться, что произнесенным словом в твоём ответе было слово «да», капитан.

– Сэр...

– И в этом ответе тоже. Что касается несчастного господина Крюкомолота... Тело обнаружено совсем недавно?

– Да, сэр.

– Тогда оно вне вашей юрисдикции, капитан.

– Как это? Сэр?

– Расследованием займется Дневная Стража.

– Но мы *никогда* не делили юрисдикцию на ночную и дневную, сэр.

– Тем не менее в данных обстоятельствах я поручу капитану Квирку заняться расследованием, если, конечно, в таком возникнет необходимость.

«Если возникнет необходимость... Можно подумывать, такая дырища в груди – это обычное дело. Наверное, в него попал метеорит», – мрачно думал Ваймс.

Он глубоко вздохнул и оперся руками о стол патриция.

– Майонез Квирк не сможет найти даже собственную задницу без карты! Он понятия не имеет, как разговаривать с гномами! Он называет их пескососами! Это мои люди нашли тело! Оно в моей юрисдикции!

Патриций спокойно посмотрел на руки Ваймса. Капитан мгновенно убрал их, словно поверхность стола раскалилась вдруг докрасна.

– «Ночная Стража». Вот чем вы командуете, капитан. Ваше время приходит с темнотой.

– Но речь идет о *гномах*! Малейшая ошибка, и они начнут

вершить справедливость сами! Обычно это означает усекновение головы первому попавшемуся троллю. И вы доверите такое дело *Квирку*?

– Я отдал приказ, капитан.

– Но...

– Можешь идти.

– Но так нельзя...

– Я велел тебе идти, капитан Ваймс!

– *Сэр...*

Ваймс отдал честь. Затем развернулся и, печатая шаг, вышел из кабинета. Дверь за собой он закрыл очень тихо, почти без щелчка.

Тем не менее патриций услышал, как он треснул кулаком в стену снаружи. Ваймс не обратил на это внимания, но на стене возле Продолговатого Кабинета уже присутствовало несколько едва заметных вмятин, глубина которых соответствовала эмоциональному состоянию в моменты ударов.

Судя по звуку, для заделки последней выбоины придется прибегнуть к услугам штукатура.

Лорд Витинари позволил себе улыбнуться, хотя в этой улыбке не было даже намека на юмор.

Город *функционировал*. Он представлял собой саморегулирующийся конгломерат Гильдий, связанный неумолимыми законами взаимных личных интересов, и он *работал*. В общем и целом. По большому счету. В основном. Так, как было нужно.

Не хватало еще, чтобы какой-то стражник влез не в свои дела и порушил все, как... как... как сорвавшаяся с цепи осадная катапульта.

То есть именно так, как было нужно...

Кажется, Ваймс находится в подходящем эмоциональном состоянии. При некотором везении приказы возымеют нужный патрицию эффект...

В каждом большом городе есть такой бар. Бар, в котором пьют служители закона.

Будучи не на дежурстве, стражники редко посещали самые веселые таверны Анк-Морпорка. В них легко можно было нарваться на нечто такое, что заставит их вернуться к несению службы⁹. Поэтому стражники обычно ходили в «Ведро», что на Тусклой улице. Это была довольно маленькая таверна, с низкими потолками, а присутствие в ней представителей Городской Стражи обычно отваживало других пьяниц. Но владельца заведения господина Сыра это не слишком расстраивало. Ведь никто не пьет так люто, как представитель закона, насмотревшийся за свою службу вся-

⁹ Например, самоубийство. Вообще-то убийство в Анк-Морпорке было довольно редким явлением, но самоубийства случались часто. Например, пройтись в ночное время по переулкам района, носившего название «Тени», было равносильно самоубийству. Циничным самоубийством было попросить в гномьем баре недокурка. А уж сказать троллю: «У тебя что, голова камнями набита?» — означало покончить жизнь самоубийством с особой жестокостью. В общем, беспечные люди в Анк-Морпорке самоубивались на каждом шагу.

кого.

Отсчитав монеты, Моркоу бросил их на стойку.

– Три пива, одно молоко, одна расплавленная сера на куске кокса с фосфорной кислотой...

– Не забудь зонтик, – напомнил Детрит.

– ...и Тягучий Успокоительный Двойной Гаечный Ключ с лимонадом.

– С фруктовым салатиком, – уточнил Шнобби.

– Гав!

– И еще немного пива в миске, – добавила Ангва.

– Эта маленькая собачка, кажется, тебе понравилась, – заметил Моркоу.

– Ага, – согласилась Ангва. – Сама не знаю почему.

Напитки поставили перед ними. Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

Господин Сыр, хорошо знакомый с привычками стражников, тут же заново наполнил стаканы и изолированную чашку Детрита.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

– А знаете, что больше всего меня *бесит*? – произнес Колон спустя некоторое время. – Что они бросили его в воду. Даже груз не потрудились привязать. Просто бросили, и все. Будто им плевать, найдут его или нет. Понимаете, о чем я?

– А меня *бесит*, что он был гномом, – сказал Дуббинс.

– А меня, что его убили, – откликнулся Моркоу.

Господин Сыр вновь прошелся вдоль стойки.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

Короче говоря, несмотря на доказательства, свидетельствующие об обратном, убийства в Анк-Морпорке не были обычным явлением. Убийства, конечно, случались и, как упоминалось выше, существовало бесчисленное множество способов непреднамеренного самоубийства. А иногда, особенно в субботу вечером, случались семейные ссоры, во время которых люди находили более дешевую альтернативу разводу. Все эти вещи существовали, но для них, по крайней мере, имелись *причины*, хоть и не вполне разумные.

– Господин Крюкомолот был большим человеком среди гномов, – заметил Моркоу. – И к тому же добропорядочным гражданином. Он никогда не подстрекал на бунт, в отличие от господина Рукисилы.

– Он владеет мастерской на Паточной улице, – напомнил Шнобби.

– Владел, – вставил слово сержант Колон.

Они посмотрели на напитки. Они выпили напитки.

– А вот интересно, – сказала Ангва, – что же проделало в нем такую дыру?

– Никогда не видел ничего подобного, – заметил Колон.

– Может, нам стоит пойти и рассказать об этом госпоже Крюкомолот? – осведомилась Ангва.

– Этим занимается капитан Ваймс, – ответил Моркоу. – Он сказал, что не будет никого об этом просить и сделает все сам.

– Уж лучше он, чем я, – пылко закивал Колон. – Я бы ни за что не согласился. В гневе эти мелкие шельмецы просто ужасны!

Все хмуро кивнули. Включая еще одного мелкого шельмеца и приемного шельмеца побольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.